

Комбат Найтов

ОРУЖЕЙНИК

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Комбат Найтов

Оружейник

Серия «Военная фантастика»
Серия «Оружейник», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23995399

Оружейник: роман / Комбат Найтов: АСТ, Ленинград; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-102715-5

Аннотация

Случайно открывшаяся «дверь» вела в Водьскую пятину, одну из областей Новгородского княжества, временно оккупированную Швецией. В России закончилось «смутное время», ей вернули Великий Новгород, но отрезали от моря: в устье Волхова – шведская крепость, у истоков Невы – еще одна, напротив будущего Смольного – третья. На Нарве – шведская крепость закрывает выход в Балтику. Русская Корела стала Кексгольмом. Грозный Выборг готов в любое время перебросить значительное количество войск и кораблей, чтобы не позволить русским ходить по «Шведскому озеру».

В общем, есть где разгуляться офицеру 5-го управления ГРУ.

Содержание

Глава 1. Отпуск и немного истории	5
Глава 2. Валаам и Выборгская наступательная операция	37
Глава 3. «Индустриализация по-корельски», или первые шаги	54
Глава 4. Вторая водьско-шведская война	76
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Комбат Найтов

Оружейник

© Комбат Найтов, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Глава 1. Отпуск и немного истории

Решив сбежать из шумного и пыльного города хотя бы на время отпуска, пакуемся в машину со всем скарбом и отчаливаем на острова. Погода, к сожалению, не блещет, лето было, но пришлось на четверг, а я в это время еще работал. А сейчас ежедневно дождит, все вокруг влажное, одно хорошо – комаров мало. Хоть какая-то польза от холодной погоды. Дома было бы уютнее, но шорохи хвои и листьев нагоняют соответствующее созерцательное настроение. Вода довольно холодная, поэтому рыба неплохо клюет. Из озера Суоярви при желании можно попасть в Онежское озеро по порожистой и извилистой Шуе. Не первый год здесь отдыхаем, грибов море, осенью есть что пострелять. Так как отпуск довольно длинный, взяли с собой и оружие, до начала охотсезона меньше недели, у егеря полежит.

В один из сентябрьских дней я решил сгонять на катере к старому финскому шлюзу, там в проране иногда лосось осенью берет. Подошел почти вплотную к водопаду, чуть в стороне есть небольшой затишок. Почти у берега отдал носовой якорь, отгреб в сторону, там положил кормовой, чтобы не мотало на постоянном завихрении потока. Там же забросил в сторону стремнины один из кружков с небольшим окушком. Пусть работает! Подтянул носовой конец, подвязал его. Расчехлил старинный трофейный трехстволь-

ный вертикальный штучер «Зауэр», еще дед с войны привез, и он честно служит нашему семейству с 45-го года. Двенадцатый калибр плюс 7,92 мм. Отец ее чуть-чуть переделал: установил планку Кочетова, что позволило быстро снимать и ставить немецкий снайперский прицел BrS F, который раньше было без отвертки не снять, и он мешал использовать открытый прицел для стрельбы по птице. С собой еще был арбалет, но стрелять с воды из него глупо, только стрелу утопишь, поэтому он был даже не взведен. «Тигрик» остался в лагере, для него «целей» не было.

Клев был, но лосося не было. Хватали небольшие щучки и довольно большие черные окуни. Их было много. Они активно сопротивлялись, таскать их было приятно. Но солнце садилось, и на блесну больше ничего не брало. Я сменил «вертушку» на светящийся воблер и продолжил рыбалку с ним. «Домой», в лагерь, еще не хотелось. После шестого заброса на самой стремнинке кто-то резко ударил по воблеру, и я подсек. Началась интереснейшая схватка. Очень крупная семга устроила мне такой «концерт», что пришлось отдать, с бутылочкой, кормовой конец, так как рыба норовила под ним проскочить и запутаться, после этого нормально оборвать леску и уйти. Я держу на всякий случай для этого дела пластиковую бутылку, принайтовленную к кормовому якорю, чтобы можно было быстро отдать его. Одной рукой дернул конец, прихваченный бочковым узлом к банке, и сбросил его в воду. Теперь «рыбка» была вынуждена тас-

кать и катер за собой. Несколько раз она выскакивала из воды. Кил на двадцать, не меньше! Впрочем, ее еще вытащить надо, а уж потом взвешивать, а то будет как в том анекдоте про рыбу «с вот таким глазом»! Эта сволочь потащила меня под водопад. Вода окатила меня с головы до ног, и спиннинг в руках ослаб. Сорвалась! Кручу катушку, матерясь во все горло, и вдруг замечаю, что я – сухой! Над головой шумит водопад, но шум много тише, чем до этого. В лодке воды не было. Ничего не понятно. Хлопаю себя по кармашку на рукаве, вытаскиваю фонарь. Металлических ворот шлюза не стало! Камень! Провел фонарем влево: камень еще метров на двадцать. Повернул вправо, к тому месту, где стоял раньше. Вот этот камень я видел, когда рыба протаскивала меня через поток. Сел на весла и гребанул туда. Блин! Дернуло спиннинг! Слава богу, он зацепился катушкой за банку. Хватаю его, есть, рыба на месте! Опять обливает водой! Борьба продолжается! Через пять минут подвел ее к подсачнику и уложил ее в него. Есть! Переложил рыбу в садок, холодно! Я – мокрый! Вытащил носовой якорь, втащил садок в лодку, искать кормовой не стал, дернул кик-старт на «Меркьюри», зажег огни и полетел к дому. Нарыбачился! На ходу открыл сливное отверстие и удалил воду из катера.

На острове горел костерок, поэтому ориентироваться в ночи было удобно. Залаяли собаки, Татьяна вышла на берег принять конец. Хлюпая водой в сапогах, вытаскиваю катер на берег и выкладываю садок.

– Ох, ничего себе! А что мокрый? Перевернулся?

– Нет, эта сволочь под водопад затащила. Думал – ушла, но нет, попалась! Сейчас почищу, шикарное «хе» получится! Только штуцер почищу, он под водой побывал.

– Штуцер я и сама почищу, а ты, коль столько рыбы приволок, займись ею, иначе протухнет. Нафига столько окуня наловил? Что с ним делать? – Ей лишь бы повернуть!

Переоделся, запустил движок генератора, занялся чистой рыбы, но из головы не выходит исчезновение ворот шлюза. Так не бывает! Да и леску я всю смотал! До воблера! Не стыкуется что-то! Рассказал Татьяне о происшествии. Та пожала плечами, дескать, завтра сходишь, все равно якорь надо поднимать. Через пару часов, поев «хе» и жареную семгу с окунями, выключили генератор и улеглись в палатку. Утро вечера мудренее!

Днем нашел плавающую бутылку с концом от якоря, положил кормовой на место, полазил в дождевике под водопадом. Никакого исчезновения не обнаружил. Ворота оставались на своем месте. Только воды опять в лодку набрал. После нескольких неудачных попыток пристали к берегу, слили воду, и тут нас отвлекли грибы. Белые вышли. Татьяну до самого вечера было не остановить. Она еще чистила грибы, когда появилась луна. Тут я вспомнил, что луна на небе вчера была.

– Слушай! Я еще раз попробую. Сейчас как раз примерно то же время, как и вчера.

– Лучше бы ты с грибами помог! – Но я уже оттолкнул лодку от берега. Прошел, включил фонарь. Сухой! И нет ворот! Оттолкнул лодку веслом от камня – и оказался перед шлюзом. На моторе подлетел к месту, где сидела жена.

– Ты где был? Я даже стреляла! Ты не отзывался.

– Пошли, покажу! Шлюз исчезает, как я и говорил!

– У меня нет с собой дождевика! Не хрен! Исчезает и исчезает! Завтра займешься. И оружие с собой возьми. Кто его знает, что там за хренотень прячется. Грузи грибы, идем домой! Мне их еще резать и бланшировать. – В общем, мой исследовательский инстинкт был остановлен домашними делами, и мы вернулись в лагерь. С грибами, и правда, возни много, промучились еще несколько часов и весь следующий день.

Лишь ближе к вечеру я стал собираться на новую вылазку. Татьяна настояла, чтобы экипировался по полной и взял с собой рацию и телефон. Прихватив «Тигрика» с ночным прицелом GSCI и трофейный американский тепловизор Pulsar, четыре магазина, «гэдээровский» «ТТ», арбалет, «пеналы» с двумя ВГ-40СЗ к нему, нож разведчика и пару «металок», нацепил «лешак», прихватил с собой дождевик, я отправился к водопаду. Ворота исчезли, и я под водопадом прошел к левому берегу. Прямо там ошвартовал катер, спрятав его под водопадом, промерил глубину, пришлось двигаться по камням, немного вымок, и оказался на берегу. Поднялся по скале и просто застыл там наверху: шлюза не было! От сло-

ва «вообще». Вода из Салонъярви перетекала в Суоярви по неширокому каменному желобу, явно природному, а не рукотворному. Моста не было, дороги тоже, тропинка. Через порог навалены камни, так что на другую сторону пройти можно, но рискуя свалиться в воду. Попробовал вызвать Танию, но ее на связи не было. Телефон тоже не сработал: нет сигнала. Отсюда до села – пара часов хода. Осмотрел окрестности: здесь до «той» войны 1939–1940 годов была низконапорная ГЭС, потом ее финны взорвали, восстанавливать никто не стал. Но никаких бетонных сооружений я не обнаружил. Странно! Ладно, двинулся по тропе в сторону села. Взглянул на часы: 21:40, время детское, успею туда и обратно.

По истории эта территория когда-то входила в Новгородские земли и носила название Водьская пятина. Потом ее отобрали шведы. Чуть восточнее начиналась Поонежская пятина. Село стояло на самой границе между этими землями. В Смутные времена Швеция напала на Россию, захватила Новгород, Ивангород, оттяпала большие территории. По Столбовскому миру, заключенному первым из царей Романовых – Михаилом, в 1616 году эту землю назвали Ингерманландией и передали шведам, в обмен на передачу назад Москве Новгорода. Шведский король Густав Адольф (тезка другого Густава Адольфа, который Гитлера поздравлял с победой над СССР в 1941 году) самодовольно сказал: «Теперь без нашего позволения русские не могут выслать ни

одной лодки в Балтийское море. Большие озёра: Ладожское озеро и Пейпус, Нарвская поляна, болота в 30 вёрст ширины и твёрдые крепости отделяют нас от них. Теперь у русских отнят доступ к Балтийскому морю, и, надеюсь, не так-то легко будет им перешагнуть через этот ручеёк». Ничего, мы снова ходим по своей земле!

Впрочем, об этом я не сильно задумывался, просто шел в сторону известного мне населенного пункта на этой территории, немного удивляясь тому, как неузнаваемо изменилась эта местность. Тропа шла по лесу, была видна слабо, но встречались зарубки, нанесенные на кору сосен. Во многих местах ветки были обрублены довольно высоко от земли. Поначалу было непонятно «зачем», затем я обнаружил след подкованной лошади. Видимо, по тропе иногда ездят конные всадники. В общем, шлепать тяжело и далеко, еще и дождь холодный наладился. Берцы шлепали по мокрой грязи, я старался в лужи особо не наступать, совершенно отвлёкся от наблюдения. В результате увидел перед собой пару каких-то козлов, с длинными палками в руках, на которых висело какое-то странное гнутое лезвие, направленное на меня.

– Привет! А вы кто такие? – задал я вопрос.

«Чучело» не ответило, а заехало мне древком своего чудо-оружия чуть ниже виска. «Вопытный товарищч!» В отключке я находился пару минут. Неплохой нокаут! Затем почувствовал, что меня обыскивают. Я расслабился, это мы уже проходили на первой чеченской, незаметно и непроиз-

вольно опустил руку к боковому карману штанов. Меня перевернули лицом вниз, нож оказался у меня в руке. Говорят на непонятном языке, их двое, а я – козел, если не сказать круче. Снизу удалось рассмотреть мудака, который пытался меня обыскать: на груди стальной панцирь, заканчивающийся наслаивающимися пластинами «юбки». Ниже ноги – голые. Чулки какие-то. Второй крутит в руках моего «тигрика» и что-то причитает. «Тигрик» не заряжен, он с пустым магазином. Драться я не собирался. Меня крутят обратно, и нож до кости пробивает ногу «трофейщика», дергаю его назад и запускаю «металку» в шею второму. Бросок слабый, башка еще гудит, но другого времени не будет. Откатываюсь в сторону, хватая снятый с меня арбалет. Без перезарядки рву на себя тетиву, взвожу и вкладываю из подствольного колчана стрелу. Поздно! Попал! Второй хрипит и пытается вырвать метательный нож из горла. Мужик, это ты напрасно! Еще мог и пожить! Так, ближний зажимает рану на бедре и пытается вытащить здоровенный пистоль. Пресекаю ему эту возможность ударом ногой по голове. Сам начинаю его обыскивать, отбрасывая опасные игрушки в сторону. Горло пока не режу, нужен «язык», вот только непонятно на каком языке говорит. Немного напоминает немецкий, но я больше по-английски «спикаю». Наступил ему на правое бедро, а затем на колено левой раненой ноги. Из аптечки достал нашатырь и сунул ему под нос, так как сознание чел потерял.

– Наме!? Титель!? Постен?!

Молчит, гад!

– Нэйм!? Тайтл!? Спотс?!

Врезал по морде, у самого голова болит дико и фингал неплохой! Повторяю по-немецки:

– Намер!? Титель!? Постен?!

Дошло! Что-то начал отвечать! Пытаюсь разобрать: Альфред – это имя, Корпорал – это сержант или какой-то начальник. А вот что такое: «Флэдер ав бефалла» мне не понять! Ну, флэдер, значит, флэдер.

– Эй, флэдер, Альфред, мать твою! Здесь что делаете?

– Моя бефалла боронит грэнс. – понимаю, что он говорит на смеси славянского и непонятного, что его подразделение что-то охраняет. Грэнс по-норвежски граница. Дальше пошла непереводаемая игра слов и выражений, в которой явно проглядывался посыл: не надо мне резать горло. А пришлось. Я их не понимаю, а они – опасны! По виску он мне качественно и быстро врезал!

Быстренько обработал рану, залепил пластырем и ватой и двинулся вперед. Больше ни на что не отвлекался. «Учеба» действовала! Еще одну морду обнаружил перед двухэтажным домом в середине поселка. В его окнах горел свет, а в остальных домах света не было. Плохо отражаются в ночных прицелах: видно только лицо! Остальное не отображается. И ноги. Выстрелил по нему из арбалета кабаньим блейдом. Перед этим заполнил крайний магазин «тигрика» патронами, вскрыв взятую с собой пачку. Вошел в дом, это ока-

зался гастхофф, харчевня. Там находилось 15–20 человек таких же солдатиков, но без кирас, которых я отправил к пратцам. Последним туда ушел мужичок с пистолетом, вышедший на лестницу. У него на поясе и в его комнате я обнаружил около ста золотых монет. У остальных были серебряные монеты и вооружение попроще. Хозяин, которого я с трудом убедил, что я – не чудовище лесное, а человек, и еле извлек его из-под стола на кухне, понимал русский язык и говорил что-то на старославянском. Его я немного знаю, но путаюсь в словах. Разозлили! Нельзя же так по уху больно бить!

Домой я вернулся с подбитым ухом и красивым бланшем! Татьяна угорала надо мной, как могла! Как только ни называла! Даже «витязем в тигровой шкуре»!

– Ты без приключений не можешь! Кто это тебя так? Давай обработаю, Аника-воин!

В ход пошла перекись, йод, советы, что надо бы рентген сделать. Шишка, конечно, здоровая, но болит уже много меньше, чем сначала.

– В общем так, село есть, только название у него другое: Пайлаа. Дворов 50–60, гостиный двор и недостроенная казарма пограничной стражи. С годом – какие-то непонятки: они говорят, что год у них 7147 год.

– Какой-какой?

– Семь тысяч сто сорок седьмой. Три раза переспросил. – Татьяна бросилась к компьютеру, соединилась с Мегафоном, несколько минут мучила Гугл, затем выдала:

– Это по Византийскому летоисчислению, от сотворения мира, его Петр отменил, по-нашему – 1639 год. Запоминай 5508 год – год рождения Иисуса. Нифига себе, где побывал! Тоже хочу посмотреть!

– Да смотреть там особо не на что: ни одного дома каменного, кроме недостроенной казармы. Все остальное – деревянное. Более-менее большой дом – один, постоянный двор, которым Порфирий управляет. Так, ничего мужик. Ему понравилось, как я разобрался со шведами. Все причитал, что плохо платили за постой и еду. Я ему двадцать серебряных монет дал, самых маленьких, чтобы похоронил солдат, он и успокоился. Всех поборами замучили, им все яйца требовались, чтобы казарму сложить, и на обтёсывание камней посадили для нее. Русские владения начинаются в восьми верстах, как Порфирий говорит. Я по карте посмотрел, до них 14 километров. Что такое верста – фиг его знает. Там начинается Поонежская пятина.

– А что с попами?

– А черт его знает, я что-то об этом и не спросил.

– Ну как же так! Ты что, не понимаешь, что это очень важно?

– Да Порфирий все какого-то Семаргла поминал и сразу снял икону из угла, плюнул на нее, но в огонь не бросил, а спрятал. Себе на уме товарищ. Вот что я думаю: у водопада надо дом строить. Место там есть, где сейчас развалины станции. Так что завтра я в Питкяранту съезжу, договорюсь

о гравии и посмотрю, где можно хороший цемент и арматуру взять. Это, скорее всего, в Приозерск придется скататься.

– Ты знаешь, вот давай пока подождем. Я еще там не была, требуется посмотреть, что и как, а потом решать. Мне и тут неплохо живется. Лезть в темное царство не слишком сильно хочется. И к переходу надо присмотреться. Торопливость нужна при ловле блох.

Но утром пришлось все-таки ехать к врачам, так как рана и не думала успокаиваться. Обезболили, вкололи противостолбнячную сыворотку, наложили один шов. Уговорить жену еще раз скататься под водопад не получилось: пока не заживет – никаких путешествий. Она у меня дама с характером. Но разговоры крутятся вокруг да около этой темы. Что можно с этого получить, кроме старинных монет, которые еще и просто так не сбыть. Но ее, как физика, а она заканчивала физфак ЛГУ, больше интересовал сам феномен, чем все остальное. Как женщину ее совершенно не интересовал тот период: дикость, религия, отсутствие элементарных удобств ее отпугивали.

– Понимаешь, меня мало привлекает этот исторический период, женщины тогда были задвинуты в такую задницу, что кроме как рожать детей и кормить эту ораву, им ничего делать не разрешалось. И потом, у меня неплохая работа, тему закрывать вроде не собираются, гироскопические приборы снова понадобились. Раньше бы, когда «зряплату» не платили, я бы с радостью куда-нибудь сбежала, а сейчас –

не время. Ну, и главное – период дурацкий, мало о нем что знаем и слышали. Вот бы в эпоху Петра, так я бы с удовольствием. Надо посмотреть, что физически происходит, может быть, очень интересные вещи откроются. Да и от Нобелевки я бы не отказалась, – она мило потупила взор.

– Во! – я ей показал фигуру из пяти пальцев, один из которых был выдвинут вперед. – Пойми, об этом никому говорить нельзя! Тут такое начнется, что мама не горюй! Нас с тобой просто закопают по-тихому. Время как раз очень интересное: Россия из захудалого княжества на краю Европы, неожиданно для многих, превратилась в крупнейшее государство. Папаша или дед Ивана Грозного сумел объединить разрозненные уделы, а сам Грозный уравнил себя и «великие королевские роды». Даже жениться на королеве Англии хотел, или она хотела этого? И тогда против него начали распространять всякие слухи и строить козни. А правил он дольше всех царей: 50 лет и 105 дней. Породненный (был внуком) с Палеологами, считал себя выше многих «королей», за что и поплатился. После того, как он проиграл Ливонскую войну, а против него ополчилась вся Европа, хотя повод для войны был законный: Дерпт дань не заплатил, хоть и обещал 40 тысяч золотых ефимков, у него начались серьезные неприятности, а тут и здоровье подвело, хотя совсем молодым был. В общем, умертвили его или сам умер, а вслед за ним лыжи наострили и его сыновья: старший еще при нем умер, а младший чуть позже. В 1598-м последний сын Ива-

на – Федор – умер, и вместо него на трон сел Борис Годунов. Правил он недолго, уже в 1605 году он умер, в 53 года от роду. Его сына и жену через два месяца после его смерти задушили сторонники Лжедмитрия, который поправил год, и его тоже убили. На четыре года на трон сел Шуйский, который, из-за слабости своей армии, сделал новые территориальные уступки шведам и заключил с ними Выборгский договор. Но это мало помогло ему – через некоторое время он оказался в Варшаве в качестве пленника, в июле 1610 года он был свергнут, расстрижен и умер в Гостынинском замке в 1612 году. Через несколько месяцев там же умер его брат Дмитрий. А в Москве царем должен был сесть сын короля Сигизмунда Владислав Четвертый. Но он православия не принял, в Москву не приехал, и в 1613 году царем был избран Михаил Федорович Романов. В 1634 году, заключив Поляновский договор, царь Михаил I сумел вернуть из Варшавы шапку Мономаха, российскую корону, скипетр и державу, которые находились в Варшаве с момента взятия Москвы и низложения Шуйского. Так что на момент 1639 года прошло всего пять лет с момента полного восстановления самодержавия в России.

– И ты предлагаешь сунуться в эту свару?

– Момент достаточно удобный: Швеция занята тридцатилетней войной, договор 1616 года дал ей передышку в войне с Россией, но выхода к Балтийскому морю Москва лишена. Окончательно этот вопрос решится только в 1721 го-

ду, больше чем через 80 лет. За это время води забудут, что некогда они были русскими, и у нас появятся весьма качественные враги. Тут недавно читал какого-то битого немца, который был в Чухле советником во время Великой Отечественной. Так он открыто пишет, что Питкяранту и Сортавалу они «освобождали»! И все потому, что кто-то определил ее в княжество Финляндское в 1816 году, хотя на картах Федора Годунова Финляндия гораздо западнее, у Аландов, а здесь – Карелия, не имеющая никакого отношения к Чухле. Есть летописи, подтверждающие, что эти земли были населены новгородцами. «В лѣто 6818. Ходиша новгородци в лодьяхъ и в лоивахъ в озеро, и идоша в рѣку Узьерву, и срубиша городъ на порозѣ новъ, ветхыи сметавше». Столицей Води была Корела, сегодняшний Приозерск.

– И как ты себе это представляешь? Давай обсудим, хотя я не вижу там для себя места. Это откровенно.

– Ну, смотри! – я достал карту района. – Вот здесь пустующий дом, помнишь, нам его в прошлом году предлагали?

– Да, помню, мы обещали подумать и думаем до сих пор.

– Из-за вот этих 600 метров кабеля до ближайшей опоры, сама знаешь. Но это только для того, чтобы кости можно было бросить и от непогоды укрыться. Ну и перевалочная база. Отсюда – четыре километра до места. Есть ближе, но там до электричества далеко. И самый выгодный вариант: развалины электростанции. От нее только фундамент остался, там есть маленькая бюрократическая зацепка: водоем близ-

ко, но, думаю, решаемо. В Сорти – готовые дома делают, как и планировали, помнишь, но отмели из-за пожароопасности.

– Это я помню, и мы говорили, что это совсем не годится, зимой спалят, года не простоит.

– Тогда будем скользющую опалубку применять, что там, что тут. Но здесь строим из обычного бутобетона и обычного цемента, а там фундамента нет, зато есть чистая скала, бьем дырки перфоратором и привязываем основание дота прямо к скале. Там монолит, это вечное основание.

– Дот?

– Именно дот, и довольно высокий. Вот такой, – я показал Тане рисунок и чертеж. – Для самих вот это помещение, 14 квадратов. Здесь кухня, еще одна комната, здесь складские помещения. Верхний этаж оборудован амбразурами с герметическими броняшками и встроенным, тоже герметическим, небликующим бронестеклом, знаю, где достать! Вокруг ставим сплошную стену из бетона, это обеспечит скрытый проход к водопаду. Туда сделаем потерну. Теперь об удобствах, я ж понимаю, что без этого – никак!

– Да уж пожалуйста!

– Электрическое отопление, для этого вот тут вот ставим горизонтальную турбину мощностью сорок киловатт. Сам генератор есть, а колесо нужно заказывать. Вот здесь вот делаем для него нишу, сюда вентиляцию, а к нам только провода. Здесь вот, в подвале, ГРЩ¹ и аварийный генера-

---

¹ Главный распределительный щит.

тор. ГРЩ от основного генератора, он – съемный. Вот фото. Остальное добиваем магазинное. Так что 380 вольт, полностью халявных, у нас будут. Интернет не обещаю, но если что, вышла обратно и из дома получила любую инфу. Переход нужно будет закрыть, по меньшей мере до генератора. Все остальное можно строить позже, хоть хоромы, а это должна быть крепость. Вот здесь ставим АОК² башенный, разработки «Техника-Сервис», что-то типа «Redback», он в автоматическом режиме обнаруживает теплые и движущиеся цели. К нам привозили испытывать, так что, где «достать» знаю, без вооружения – продадут! Ну, а вооружение будем брать на Украине, там пока это не сложно. Бронетехники в том мире еще нет, так что: «Корд», «Вал», ОСВ-96 и АГС-30. Основная нагрузка ляжет на «Вал», так, чтобы бесшумно. Дороги там нет, только тропа, так что армию и артиллерию бесшумно не подвести. На первых порах можно обойтись пассивной электрической системой охраны с датчиками движения.

– Ох, ну и дурь ты придумал! Ну, ладно, положим, устроились и имеем возможность бегать туда-сюда, а дальше-то что? Так и будем сидеть в медвежьем углу?

– Нет! Как только закрепимся и обустроимся, двинемся на Петрозаводск. Все дело в стали и азотной кислоте. Это – основа всей промышленности. Займемся именно ими. Здесь местность позволяет добывать богатую «озерную» руду. Ее

---

² Автоматизированный огневой комплекс.

здесь много. Под Сегежой есть медная руда. В Кончезере сам бог велел сталеплавильный завод ставить. А на первое время и той руды, что мы здесь видели, хватит. К тому же ее триста лет активно добывали. Вся проблема в том, что у них сейчас нулевая механизация работ. Все это придет позже и из Европы. Вместе с кучей проблем. Сейчас царь начал организовывать полки «нового строя». Требуются знающие люди и оружие, потому что проигрывать он начал крепко. По старинке шведов уже не взять. Окончательно армия будет реформирована уже Петром. Но начал все Михаил.

– «Храни мя боже: жить в эпоху перемен!» – ответила Татьяна и ушла в себя со своими мыслями.

В общем, подвигнуть Татьяну на подвиги мне не удалось! Мы с ней сто лет знакомы, вместе учились в одном классе. Первая «лубофф». Однажды в подъезде разрешила поцеловать ее, еще в школе, теперь это место – важнейшая эротическая точка. Сразу за скулой с левой стороны. Потом мы расстались надолго: армия, учеба. Опять сошлись ненадолго. Но не поняли друг друга и вновь расстались, уже по-серьезному, у обоих появились «половинки», потом дети, но встречались время от времени. Она работала в Гатчине и на площади Победы, в «Центроприборе», временами пересекались, в основном в транспорте. Так вот, на остановке, и узнал, что она овдовела, а я сам развелся из-за слишком длительной командировки в горячую точку. Опять стали встречаться, а потом жить вместе. И прежде отношения были не то чтобы слож-

ными, а очень сложными. Мы всегда завидовали друг другу: один выиграл олимпиаду, следовала практически смертельная обида второго, так как у него было второе место, и наоборот. Это здорово мешало отношениям, они поддерживались нормальными только до тех пор, пока не возникало соперничество. В общем, еще в молодости, когда стало ясно, что дальнейшие отношения, без постели, стали невозможны, и требовалось принять решение, я его принял, но не в пользу Татьяны. Она это и сейчас помнила, хотя уже почти десять лет вместе, и вроде как душа в душу. И я, и она, прекрасно знали, что каждый должен решить вопрос самостоятельно, и если совпадет, то следовать вместе. Ну, а если нет... то должен найтись компромисс. Пока его не было. Вот так и идем по жизни: параллельно, но зигзагами.

Отпуск у Татьяны заканчивался, и она уехала через несколько дней, предварительно мы выяснили, что переход еще и от фазы Луны зависит: самый большой он в полнолуние, а в новолуние вообще не работает, как днем. Порешал про фундамент и подключение к электричеству и оформил бумажки на свое имя. Забросил из Питкьяранты два раза по 13 кубов гравия и перетаскал его на ту сторону. Пока решил не привлекать внимание на строительство здесь, и с помощью бензогенератора и перфоратора начал выравнивать площадку под фундаменты турбины. По ходу работы пришлось немного изменить проект: вместо прямого вала пришлось ставить гипоидную передачу и камеру под генера-

тор делать в мореной стене. Слишком длинный вал получался. Наверху только расчистил и разметил места под шпурсы и проложил канавку для кабеля. В качестве «колес» ротора использовал литые, XIX века, шкивы привода ворот с заброшенного шлюза. Оттуда же снял и вал. По причине безопасности и продолжительности работы не стал пользоваться ременным приводом, а сделал полностью механический с повышающим редуктором. Больше всего возни было с перетаскиванием тяжестей. Уж больно много пришлось цепи талей крутить и городить консольных кранов. Установил барабан турбины и занялся лопастями. Здесь главное – безопасность. Осторожно проворачивая барабан, привариваю полосы к уже установленным консолям. «Ежик» постепенно превращается в турбину.

Татьяна напугала до смерти! Я варил предпоследнюю лопасть, заработался, вдруг вижу боковым зрением машущую мне фигуру в плаще, чуть держак из рук не выронил.

– Ух ты! Вот это да! Ну ты и развернулся! И все один? Эх, твою б энергию да в мирных целях! – прокричала мне на ухо. Показала руками «Стоп» и выключила генератор. Накрыла его снова резиной и помахала мне рукой, показывая на выход на «ту» сторону. Я, в свою очередь, показал ей другое направление, туда, где она еще не была. Там мы вымокнем, а здесь уже нет.

– Ты смотри! А здесь много холоднее, чем там! – первое, что сказала она. – Мне кажется, что ты несколько увлекся,

потому что ведешь сварку по ночам. Смотри, эти вспышки привлекут внимание.

– А все в курсе. Но подходить бояться. Днем я выхожу наверх только в «лешаке». Подходили несколько раз лодки с той стороны, но протока несудоходная, снизу в 600 метрах довольно серьезный порог, а там, где высадиться можно, я мины поставил, пока – сигнальные.

– Ну, понятно! То есть ты сейчас только электростанцией занимаешься?

– Да, вот сухой проход сделал, заканчиваю рабочее колесо, и генератор стоит на месте. Завтра думаю пустить станцию, и набью шпуров для фундамента. Больше ничего не успею. Отпуск заканчивается. Теперь только по выходным.

– А я домашнего привезла поесть и соскучилась! Вот и приехала. А тебя нет. И даже следов не видно. Ты и спишь здесь?

– Вон палатка. За бетономешалкой. Но опалубка еще не готова. Так что хоть без содержания бери. Медленно получается.

– Ладно, пойдем, покормлю.

Она раскладывала на сбитый из досок стол всякие вкусняшки и рассказывала последние новости, в том числе и политические. Они не шибко радовали: «черная обезьянка» продолжает нагнетать обстановку, мотается туда-сюда, собирая коалицию. И «бывшая комсомолка» решила пойти на еще один срок, так что в воздухе отчетливо пахнет грозой.

– Тебе звонили пару раз, я сказала, что ты в отъезде, на Полярном Урале охотишься.

– Значит, отпуск не дадут. Ладно, порешаем другие вопросы. Вкусно! Мне готовить особо некогда. Занят постоянно.

– Слушай, а куда у меня большие катушки делись и совсем мелкие иголки? И бисера здорово поубавилось? Спрашивала Дарью Ивановну и Полину, они не брали.

– Я взял. Я тут немного подумал о том, чем ты, может быть, захочешь здесь заниматься. Здесь такие дела творились, в общем, демографический кризис. Шведы активно проводят ассимиляцию, делается все просто: армия у них регулярная, в течение двадцати лет они активно забирают всех пацанов туда, срок службы – 25 лет. За это время солдатик впитывает в себя язык, шведские привычки и религию, забывая, что он – водь и русский. Через пять лет они начнут возвращаться. А здесь – большая часть баб – незамужние. Девоч больше мужиков раз в пять-шесть. Все хотят замуж, а выходить им придется за «шведов», учить шведский и исполнять уже протестантские обычаи. Сейчас на селе церковь есть, а попа шведы выгнали. Пастор был, но он был военный, и уже «был». Он вместе с солдатами в гастхоффе сидел тогда, а я особо не разбирался, кто есть кто. В общем, его нет. Самих жителей это не напрягает, у них старые боги больше в ходу. И одна из теток по совместительству работает и знахаркой, и шаманит потихоньку. Вот я ей бисер и подбросил,

сразу после сбора урожая. За него получил сорок бочек моченой клюквы, черники и брусники. Из них десять – в мед. Экологически чистый продукт. Плюс готовы поставить десять-двадцать тонн грибов, и тоже, сама понимаешь, без «чернобыльских прибаумбасов». Пока так. А дальше... дальше ты возьмешь на себя производство вышивальщиц. Это даст золото. Сейчас в мире только два центра, где делают такие вышивки: Венеция и Богемия. Вот, смотри, что у местных получается.

Я передал ей несколько отложных воротников и нарядных кокошников.

– Вот уж никогда бы не подумала, что у тебя возникнут такие мысли, – задумчиво сказала Татьяна, пристально разглядывая изделия местных девиц. – Интересные орнаменты, вот этот и вот этот практически произведения искусства. Остальные, ну, так, не очень. Именно художественности не хватает. Но мысль оригинальная. В общем, ты не отказался от мысли задействовать меня в своем проекте. А я было решила, что ты так увлекся, что жена побоку. Даже не звонил.

– Здесь сотовой связи нет, пока. Ты надолго?

– Нет, конечно, завтра вечером через пробку домой. Иди мойся! На сегодня хватит работать!

Через некоторое время она появилась на берегу, чуть поживаясь от холода, скинула с себя одежду и с визгом плюхнулась в воду на несколько секунд. Выскочила обратно и стала энергично растираться большим лохматым полотенцем.

– Помоги! – послышался ее голос. – Соскучилась!
Я, кстати, тоже.

Я всегда просыпаюсь раньше ее, поэтому вылез из палатки, когда утренний туман еще не поднялся. Разжег плиту и поставил на огонь кофе. Сходил осмотреть установленные рачевни. Раков было много, пришлось ставить ведро, чтобы отварить их к завтраку. На запах кофе появилось личико Татьяны из палатки.

– Я сейчас!

Подойдя от озера, она подставила левую щеку под поцелуй, и было ясно: куда она хочет, чтобы ее поцеловали. Чуть подернула плечами от удовольствия.

– Шикарно! Мне понравилось, мы слишком давно не были вместе. – Она поцеловала меня в ответ и села за стол чистить горячих раков, поругиваясь и дуя на пальцы.

– Что у нас на сегодня?

– Кроме пуска станции – ничего.

– А ты не хочешь мне показать село?

– В такой одежде там лучше не показываться.

– А кто тебе сказал, что в этой? Я с собой захватила кое-что, что мы с девчонками придумали. Я в курсе, что здесь встречают по одежке. Тоже думала о том, чтобы предпринять такое, чтобы остаться жить вместе. Тем более что Полина уже взрослая, все больше и больше отдаляется от нас. Сказывается то обстоятельство, что она постоянно живет у бабуш-

ки, а та настраивает ее против тебя, да и меня. Ей бы хотелось, чтобы я ходила в трауре и слезах. Она ведь не понимает, что у нас с тобой был «временный перерыв» на осознание роли каждого в семье. Приобретали необходимый опыт для совместного проживания. Мы с тобой слишком одинаковы, и оба – лидеры. Не самое удачное сочетание характеров. Но, в конце концов, все решилось в нашу пользу. Впрочем, что я тебе рассказываю, ты и сам это знаешь. В общем, я решила поддержать твою идею, но требуется несколько лет, чтобы наладить все здесь и не испортить окончательно все там. И я решила съездить, посмотреть все сама, посмотреть на твою реакцию на мой приезд. Так как все прошло просто замечательно, и ты, действительно, порадовал меня тем, что в этой суматохе у тебя нашлось время и идеи, чтобы подумать обо мне. Это настраивает на нужный лад. Я решила, что моей целью будет первый русский университет. Опыта преподавания и знаний для этого у меня хватает, а то, что я – женщина, в этом нет ничего страшного, единственное что, нам не стоит представляться русскими. Точнее, жителями России. Выходцами – да, но с европейским образованием и вполне современными буржуа. Думаю, что надо организовать поставки сюда всяких разных мелочей: в первую очередь соли, пуговиц, ниток, иглоков, швейных машинок, небольших токарных и других станков с инерционными, ножными и электродвигателями. Обязательно твердые сплавы. Я хорошо знаю порошковую металлургию. Ну, а по металлам – ты у меня боль-

шой специалист. Так как электростанцию ты почти закончил, следовательно, свою вакуумную и индукционную печку явно сюда потянешь, и не для того, чтобы ножики выпускать из дамаска и булата.

— Где-то так, да. Ладно, сходим в деревню, но не ранее чем я запущу станцию. Я пошел!

— Помочь?

— Желательно!

Через три часа мы закончили сварку, сняли дополнительные стопора с барабана и отпустили основной тормоз. Барабан весело закрутился под напором воды. Сброс воды организован правильно и внешне незаметен. Специально выходили наружу посмотреть. После этого отпустили муфту сцепления и провернулся генератор. Мы вылезли наверх и зажгли «лампочку Ильича». Подключили бетономешалку и немного покрутили ее. Я взял перфоратор и пробил первое отверстие под будущую арматуру. Затем остановил генерацию, рассоединил муфту, с помощью Татьяны затормозил барабан ротора и поставил его на стопора. В этом не было большой необходимости, он мог и продолжать вращаться, но требовалось убедиться, что расчеты выполнены верно, и моих усилий с гидравлическим тормозом хватит, чтобы выполнить эту операцию. Татьяна поливала водой колодки тормоза. Все отпустили, и турбина в холостом режиме закрутилась вновь. Работает. Мы поцеловались. Первый, и самый важный, этап работ закончен за сорок два дня.

В село пошли по воде на парусном надувном катамаране. Татьяна надела длинное шведское платье и пелерину из меха белой норки, застегнутую на золотую брошь. Сбоку повесила небольшой кинжал из булатной стали, которые я делал «для себя», не для продажи, в неплохо украшенных ножнах. В муфточку она положила переданную мной 7,65-мм «Астру Унцету», самый маленький пистолет, который сумел «добыть». Я, само собой, в «лешаке», бронежилете, с накладками из кевлара на плечах, уже с настоящей СВД, а не с охотничьим карабином. Яхта подошла к причалу, я набросил конец и ошвартовал ее. Стянул брасами оба паруса, подал руку даме, и она вступила на причал. Вокруг начал собираться народ. Явление, по местным понятиям. Я всего пару раз бывал здесь и всегда появлялся с другой стороны. Народ начал кланяться нам, мы, почти не обращая внимания на это, продефилировали к гостиному двору. По дороге я сказал какому-то мальцу, что хочу увидеть Марьяну, с которой у нас «совместный» бизнес. Впрочем, при входе в дом я уже увидел ее, идущую по грязной улице.

Порфирий встречал нас у крыльца дома, со всем почтением. Коротко припал к руке и низко поклонился «боярыне». Еще у дота я понял, почему Татьяна спросила меня про бисер: у нее был довольно странный головной убор, «богато» украшенный искусственным жемчугом и бисером. Появление женщины без головного убора где-либо здесь не поощрялось вообще. В общем, барыня Татьяна Лександровна вызва-

ла живой интерес и любопытство. С ее легкой руки и я был удостоен звания «барин». Правда, новости у Порфирия были не очень. У Койринйоки на мели лежат три ладьи, рядом солдаты в синей форме, судя по всему, пойдут сюда через Лойму, так как оброк не собран и не доставлен в Кексгольм. В общем, карательная экспедиция намечается. Я достаточно спокойно отреагировал на известие. Было давно понятно, что просто так никто ничего не отдаст. Все придется брать с боем. В некоторой степени я был готов к такому повороту событий. Расспросил Порфирия о дороге, особенно про переправу у Уксиярви, он подтвердил, что брод именно там, с хорошим плотным песком и есть мостик. На этом разговор с ним о готовящейся карательной экспедиции я закончил. Лишь уже на причале Порфирий сказал:

– Так что, встречать татей будем или откупаться, барин? Народу у нас не так и много, – намекая на то, что откупиться проще.

– Посмотрим, Порфирий. Бог не выдаст, кабан не съест.

– Там конных видели!

Я улыбнулся и потрепал его по щеке. Отдал конец и поднял парус, развернулся и пошел в сторону протоки. Татьяна держалась в селе хорошо, а вот на лодке устроила маленькую сценку.

– Слушай, Тань! Тебе на работу, поэтому ни о чем не беспокойся! Тебя провожу, займусь карателями. Уже есть чем.

Провели лодку через пороги на буксире. Татьяна бурчала

долго и упорно, пока не увидела «подарки», которые я подготовил. После этого затихла. Проводив ее, я уселся на горный велосипед и тронулся к Лоймаа. Я не стал дожидаться отряд, решил встретить его на переправе. Велосипед не шумит, едет довольно быстро, и не так устаешь тащить довольно тяжелые подарки. Новостям двое суток, от места высадки до Пайлаа им лесом шлепать более 80 километров. И ночью они не ходят. Второе, что радовало: Лоймаа, соседнее небольшое село, еще не горело. Карателей в нем не было. Там река, и брод только у истока. За четыре часа добрался до окраин Лоймы. В селе тихо, но я обошел его, чтобы не столкнуться с кем-нибудь по дороге. Порфирий сказал, что её жители тоже не стали слать оброк, так что их тоже стоит защитить. У порога сидел сторож, его фигурка явно виднелась в ночном бинокле. Снимать его без толку, еще и прошуметь можно. Чуть ниже река делится на два рукава и есть небольшой островок, там и переправился. Вылил воду из берцев, перодел носки и снова вышел на дорогу. Внимательно все осмотрел. Никого не обнаружил и поехал дальше. Больше до самой Питкяранты сел нет, есть несколько хуторов и выселок справа от дороги. Но дорога ведет меня не совсем туда, куда надо. Я сначала даже расстроился, но потом понял, что она огибает озеро. И точно, чтобы лишний мост не строить, дорога обогнула довольно глубокое озеро и повернула на юг. Дымком с юга потягивает! Кто-то костер жжет. Я свернул с дороги и замаскировал «средство передвижения», за-

мел следы, на всякий случай, и углубился в лес, надев каску и ноктовизор. Через полтора часа обнаружил стоянку шведов. Четырнадцать костров, возле них вповалку спят пехотинцы. Пять лошадей стреножено и пасутся на лугу. Лошади – это хорошо. У переправы – парный пост. От него до стоянки 1 300 метров. Скоро утро, так что смена вам ни к чему. Ветер южный, не очень сильный, но есть. Замерил дистанцию лазером: 163 метра. Придется «Валом» работать. Один из караульных спит, негодяй, второй бдит, но в основном назад смотрит, чтобы начальство дружка не поймало. Сначала бью в спящего, он ко мне ближе, вижу, как удивленно поворачивается голова второго, и туда тоже летит пуля. Ставлю два «подарка»: один на дереве на повороте дороги, второй у небольшого деревянного столбика. Еще один точно посередине участка. Обоих холодных обыскал, почти ничего интересного, и спустил в озеро. Занял позицию за дорогой, расположился поудобнее и стал ждать. Ждать пришлось почти три часа: пока они проснулись, пока позавтракали. Кстати, караульных так и не сменили! Затем раздались команды, и пикинёры построились. Не только пикинёры, но и аркебузы я увидел. Четыре конных повозки и один офицер, который возглавил отряд. На нем вороненый панцирь, с золотыми полосами, к седлу приторочен шлем, на голове широкополая шляпа. Отряд, поднимая много шума, вышел на прямую, ведущую ко мне, я дождался, когда офицер проедет мимо мины, и выстрелил из «Вала» ему в голову, а потом на-

жал сначала на один, а через несколько секунд на второй радиопульт, подрывая поочередно пару МОН-90, еще, посмотрев на уцелевших, даю подрыв еще одного подарка: мины ОЗМ-72, прикопанной посередине участка при дороге.

Долго ловил лошадь: офицер застрял ногой в стремяни, конь беспокоился, потому что панцирь гремел, как консервная банка. Насилу поймал! Перед этим поработал из СВД по уцелевшим. Их было немного, но были. Затем поехал в Лоймаа. Нашел старосту и приказал выехать на место и похоронить всех.

– В Пайлаа сообщите Порфирию. Пусть и своих людей высылают. Скажите, что барин приказал.

Порфирий появился на лошадях через пару часов. Меня уже пивом напоили в Лоймаа. Бросился в ноги:

– Барин, не гневайся, что одного бросили, мы как раз собирались ополчение тебе прислать.

– Ладно, Порфирий! Не гневи бога, похороните всех там. Оружие и доспехи собрать, серебро и золото – тоже. Кафтаны там неплохие, мужикам пригодятся. И не воруй! Проверю! Все понял?

– Как же, барин! Все понял! Все сполню! Куды класть?

– В казарму кладите, там места много. И надо бы ее достроить!

– Нету яиц, барин! Все татам отданы.

– Решим вопрос, давай быстро к Уксиярви, и смотри у меня! Ничего пропасть не должно. Понял?

- Как не понять, барин! Татьяне Лександровне тут подарки приготовили. Куды слать?
- Скоро будет. Придержите.

Глава 2. Валаам и Выборгская наступательная операция

В тот же день перевез в село ручную бетономешалку и цемент, показал, как пользоваться. Работы по достройке дома начались. У себя выдолбил намеченное количество шпуров, установил и залил арматуру из нержавеющей стали (для себя строим). Поставил опалубку и залил основание. Больше ничего существенного сделать не успел. Татьяна привезла соль, пряности, перевезли это в казарму. На этом отпуск кончился, и пришлось возвращаться в Питер.

Работаю я в фирмочке «Шараш-монтаж» 5-го управления ГРУ. «Инструментальная разведка». Числюсь ее начальником, но на самом деле командует всем процессом мой зам, Равиль, он у нас по научной части, а я – полевик. Мое дело оценить сделанное, проверить его в полевых условиях и рекомендовать или отправить на доработку. Вояк в компании всего ничего, остальные – контрактники после вузов, которые и форму надевали пару раз за все время. Их дело головой и руками работать, а наше дело грубее и тоньше. Само собой, что в результате вечно оказываюсь в тех местах, где почему-то пахнет не очень, погода стоит паршивая, что-то бухает, что-то горит, и постоянный запах смерти. Он за мной тянется еще с Таджикистана. В принципе, работа мне не очень

нравится из-за этого, но другой нет. Когда, при Боре, еще и не платили, приспособился делать неплохие ножи, так как увлекался черной металлургией. Когда-то давным-давно попал мне в руки булатный кинжал II–IV века нашей эры, еще бездольный, с изумительно красивым узором на стали, рукоятью из черного дерева с золотой головкой в виде головы тура. С этого и началось мое увлечение этим видом металлообработки. Научился получать и литой, и сварной булат, часть «изделий» продавал, часть из них находилась дома в виде коллекции. Возился и с формами, и с отделкой. После Хасавюрта, когда нам «рекомендовали» не носить военную форму во внеслужебное время, желание служить практически совсем пропало, и я больше занимался этими вопросами. Но в одной из «командировок» познакомился с Равилем, который занимался новой техникой: беспилотниками с управлением с помощью Навстар. Несколько рапортов, и меня перевели к ним. По документам мы являлись и воинской частью, и государственным предприятием, одно время даже научно-исследовательским институтом были. Служить стало гораздо интереснее, плюс появились «сторонние заработки» за счет «левых заказов», которые умудрялись добывать, и верхнее командование это не запрещало. Затем, после 2-й чеченской, которую наша часть обеспечивала разведанными на все сто, и после 08.08.08 финансирование со стороны государства стало стабильным, и оклады повысили. В общем, кризис мы пережили, и даже жирок отложили. Са-

мо собой, вернувшись из отпуска, уселся конструить что-то для себя любимого. Непосредственно наши серийные игрушки не годились: сами понимаете в XVII веке Глонасса и Навстара нет. И предстояло решить нетривиальную задачу создания микронавигационной системы. Привлек к разработкам Лешку и Сашку, самых «старых» из разработчиков. Они начинали еще тогда, когда миниатюрных приемников СРНС еще не существовало. Задачу поставил следующую: большой бух, все попадало и пожгли, а командование требует разведданные в радиусе сто км, до двухсот пятидесяти. Время пошло! Пробил тему в Москве, где к ней отнеслись со всей серьезностью. А в выходные активно занялся строительством на месте бывшей электростанции, не забывая при этом посещать места не столь отдаленные. Опалубку сделали, наконец, установил четыре колонны по углам дота, и «погнали наши городских». До наступления морозов успел довести стены первого этажа до перекрытия. Настелил досок сверху и прикрыл все от снега и непогоды. Как раз до первого снега успел.

Ближе к Новому Году Татьяна начала готовится к «выезду на дачу»: доработала и заказала буквари с картинками – разъяснениями, слишком многих понятий там еще нет. Грибы и ягоды удалось пристроить на продажу и кое-какой доход с этого она сумела получить, вот и вкладывалась в будущее. Несколько монет удалось достаточно выгодно продать через сайты нумизматов, этот период достаточно высоко у них це-

нится, так как впоследствии многие шведские монеты были перечеканены. Мне же пришлось вкладываться в «боевого коня»: снегоход «Адвенче ДжиТи 900», довольно экономичный и мощный. По тем обрывкам разговоров и документов, которые удалось обнаружить, я установил положение границы Московского царства и Шведского королевства в тех местах и совместил их с современными картами. Шведам по договору 1616 года отошла Водьская пятина, Поонежская же осталась в собственности будущей России. Пограничной рекой считалась Шуя, но существовал клин ничейной земли: Тунгудская пустошь, на этой территории постоянного населения не было, и она клином пересекала границы между Швецией и Московией. Кстати, довольно интересна с точки зрения геологии. По этой местности идет разлом. Шведам досталась самая обжитая местность, где еще с IX–XI веков активно селились новгородцы. Но в 1293 году, во время одного из крестовых походов на землю, населённую карелами, по решению регента шведского короля Торгильса Кнутссона, на Замковом острове основан мощный замок, получивший название Выборг. Он стал надёжным форпостом распространения шведского влияния на земли Карельского перешейка, оставаясь неприступным до 1710 года. Новгородская республика не желала мириться с потерей карельских земель, и уже в 1294 году дружина Новгорода Великого осадила Выборг, но взять его новгородцы не смогли. Неудачным был и военный поход против шведов в 1322 году. В 1323 го-

ду по Ореховецкому мирному договору Новгорода и Швеции граница между ними была установлена по реке Сестре, часть Карельского перешейка вместе с Выборгом отошла к Швеции. Русско-шведские войны шли постоянно, и Россия в основном их проигрывала. В Смутное время умудрилась потерять даже Новгород. А сейчас, в период максимального расцвета шведского королевства, нашим пришлось отдать Корелу и Орешек, Сердоболь-Сортавалу, Импелакс и Туле-му-Салмис. Как мне сказали, в Тулеме – небольшой шведский гарнизон.

Выехали еще 25 декабря, пришлось еще и прицеп цеплять, хотя зимой с прицепом ездить совсем неудобно, но что не сделаешь ради доставки груза. Из-за прицепа пришлось вокруг Ладоги ехать, там немного дорога получше, хоть и длиннее. Уж больно «хорош» участок от Кузнечного до Ляскеля! Просто сказка для подвески. Да и дальше не лучше, и когда стоит вопрос: 240 километров бездорожья или 80, но на 60 длиннее весь путь? То поневоле выбираешь зимой более длинный, но хоть с какой-то дорогой, а не с направлением. Не без легких приключений добрались до почти достроенного дома. Здесь было все в порядке, однако морозов практически не было, поэтому пришлось собирать катамаран, чтобы доставить самих и грузы туда. Протока практически полностью свободна ото льда. С небольшого причала ниже по течению загружаемся и направляемся к водопадику. Работает! А вот с той стороны – мороз под тридцать! Вода

на турбину, правда, попадает, но вокруг нее много льда, из-за которого она работает с довольно сильным шумом. Пришлось поработать перфоратором, чтобы сбить лед. Удаление льда я не предусмотрел, а жаль! Через некоторое время вошел в дот. Там уже более-менее тепло. Доски в несколько слоев и полиэтилен уложены плотно и снегом завалило по самое не хочу. Но калориферы работают. Татьяна о чем-то ворчит, разбираясь в куче постельного белья. Быстро поужинали и легли.

– Слушай, ты что, не мог подумать заранее, что турбину будет забивать льдом? Надо ставить ультразвук или что-нибудь еще.

– Тань, всего сразу не предусмотреть, это раз, во-вторых, я вообще считал, что она остановится сама, и больше рассчитывал на вспомогач, чем на нее. Хорошо, что мощности достаточно, чтобы крутилась, и лопасти не поотлетали. У горизонтальных турбин это ахиллесова пята. А очистку, конечно, устанавливать требуется, не дело каждый день бегать с перфоратором. Решим вопрос попозже.

Еще немного поворчав, супруга успокоилась и попыталась уснуть, впрочем, ее довольно скоро разбудил волчий вой.

– Блин! Какой концерт! – проворчала она. – Слушай, успокой их! Они ж где-то рядом орут!

Пришлось доставать «Зауэр» и палить в воздух. Волки помолчали немного, а потом опять затянули свою песню, но чуть подальше. В конце концов, Татьяна устала их слушать

и уснула.

Утром я осмотрелся вокруг. Человеческих следов на обоих берегах протоки не было. После того, как мы здесь «поселились», люди сюда ходить перестали. Расчистил двор от снега, перебрасывая его за пока еще невысокий забор. Осмотрел колючку, которой он был обтянут. Нашел клочки рысьей шерсти, видимо, любопытствовала. Волчьи следы проходили метрах в трехстах, их, наверное, шум турбины отпугивает. Слух у них острый, так что ее они слышат. Когда я вернулся в дот, Татьяна уже встала и готовила завтрак. После него мы вытащили снегоход через нижнюю дверь на снег. Попробовав припай у берега, прошелся до порога. Там стремнинка была свободна ото льда, а у берегов все замерзло. Так что на снегоходе проехать на Суоярви можно, чтобы по тропе не пробиваться. Поверх обычной (для этих мест) одежды Татьяна надела зимний «лешак», снегоход тоже был камуфлирован. Татьяну я вооружил «Валом» и «Астрой», сам же взял с собой и «Зауэр», и СВД, со своим штатным «Перначом». Аккуратно проехав мимо порога, выскочили на лед Суоярви и прибавили ход. Берег быстро приближался. Глушитель у снегохода хороший, поэтому звук не сильный, хотя и такой люди слышали. Мы подъехали к причалу, а вокруг уже были любопытные глаза. Но наше появление тревоги не вызвало. Крестьяне отбивали поклоны, лишь некоторые повалились на колени. Мы проехали прямо к бывшей казарме. Ключ от входа у меня был. Невольно удивился рас-

чищенной дорожке до самого крыльца и обратил внимание на то, что вторая дверь была не заперта. Дома оказалось тепло. Его протапливали! Хотя никаких ценных указаний на эту тему я не давал. Через пятнадцать минут появился Порфирий, отбил поклоны и приложился к руке.

– Ждали, ждали, барин! Чуяли на Корочун, на колядки будете. А вечер кто-то палил у Верхнего брода, я вот и приказал все подготовить. Все как есть рады видеть вас в добром здравии, барин и барыня.

– Спасибо на добром слове, Порфирий, и тебе здравствовать желаем. Что нового случилось в округе?

– Лазутчик от шведов был в Лоймаа. Говаривал, что кнехт Анхель желает знать, куда брат его делся, обещает 30 талеров тому, кто укажет, где он. Живой или мертвый.

– А где даст?

– Дык на Валааме они сидят, у монахов.

– Пацана сметливого ко мне пришли, и оседлайте коня шведского, только нашим седлом, не шведским. Найди шелом того кнехта на складе, он позолочен по краям был. Надо разобраться с этим «брательником», просто так не отстанет.

– Слухаю, барин! Насти вдовой сынка подошлю, он хитрющий. Завсегда выкрутится так, что всем попадет, а его похвалят. Языкастый, но язык за зубами держать умеет.

Сын вдовы Настасьи оказался мальчишкой лет четырнадцати: нос картошкой, всклоченные, никогда не чесанные волосы, звали на селе его Пройдой. Зипун у него был со-

всем дырявый, поэтому вначале его отправили мыться, подарили толстый вязаный свитер и ватник шведский, что-то вроде современного ватника, только не с хлопком, а с шерстью, его под броней пехотинцы носят, чтобы удары смягчать. В ватник зашили хитрый двухрежимный армейский пейджер с частотой 21 см, с двумя сигналами: обычным и аварийным. Убедились, что Пройда научился переключать его. Дело осложнялось тем обстоятельством, что волки были очень активны. В одиночку не поедешь. Пришлось его к обозу «цеплять». Обоз шел в Олонец с рыбой и мукой: война – войной, волки – волками, а торговля стоять не может. Вот только медленно все. Татьяна занялась детишками да бабами: попыталась найти наиболее сметливых девчонок, чтобы научить их читать и обучать остальных, а мы с мужиками устроили облаву на волков. Они в зимней шкуре, самый ценный мех для шуб. На третий день сигнал от Пройды сменился на тревожный. Мы с Татьяной уселись на снегоход, но поехали не по дороге, а по льду реки, текущей к Ладоге от Лоймаа, Тулема называется. Судя по пеленгу на сигнал, он перемещался в том направлении. Засаду шведы, как и ожидалось, на дороге поставили. Время от времени пеленгуем сигнал. Такие пейджеры ставятся на наши «самолетики», чтобы облегчить их поиск и держать закрытый канал управления направленным на них. Через полтора часа стало понятно, что сигнал перестал перемещаться, и это не Салмис-Тулема, а часовня на берегу озера. Это как раз напротив Вала-

ама. Туда вела соседняя река, пришлось выскакивать на звериную тропу и пробиваться по ней на запад. Наконец выскочили на лед и прибавили. Плохо то, что через реку три моста. Караулы шведы наверняка у мостов держат. Так и оказалось: группа из шести солдат держала мост на переправе, где осенью я их роту положил. Три пикинера, два аркебузника и мужичок в непонятной одежде. Убавили обороты до самых малых, подъехали на 400 метров, я развернул снегоход, заглушил двигатель и, используя его сиденье как упор, начал работать из «Вала». По «мужичку» пришлось два раза стрелять! Вертким оказался. И монахом! Он был жив, когда я подошел, раны в плече и в паху. Ругается! «У нас со шведами мир! А ты – антихрист и язычник, в Бога не веруешь!» Оказывается, все про все знают. Милосердия я проявлять не стал, пусть его волки доедают. Нам некогда! Там Пройду мучают! Река делает много поворотов, поэтому плюнул на маскировку и рванул по дороге. Через полчаса подскочили к часовне. Там уже никого не было, кроме монахов. Нашел место, где парня пытали. Кровь свежая. Оба монаха отправились к праотцам, по месту постоянной прописки, но предварительно выяснил, что пацан жив, и его везут на Валаам. Выехали час назад. «По машинам!» Меняемся местами с Татьяной, теперь она за рулем, а я сзади. Снова закрываем забрава шлемов. Группа конников видна на льду озера. Аккуратно перебираемся через прибрежные торосы, и полный ход. Мальцу были даны указания говорить только одно:

«Послали за тридцатью талерами, если привезу, то место покажут. Сам ничего не знаю!» Быстро сближаемся с конниками. Они все в броне, попытались развернуться и атаковать, идиоты. С пикой на СВД кидаются! Забабахался ловить лошадей! Пройда живой, избит сильно, но живой! Я его развязал, он даже на ноги поднялся и помогал ловить оставшихся лошадей. А со Святого острова дым кольцами начал подниматься. Монахи слышали стрельбу, бил я не из «Вала», а из СВД, и они кому-то сигналият. Отлично, повод для ссоры есть. Всех коней привязали к седлу Пройды и потихоньку двинулись назад. Но сзади появилось человек двадцать конных. В оптике видно, что часть из них шведы, а вторая часть – вооруженные монахи.

– Пройда! Гони к часовне, ты мешать будешь!

– Слухаю, барин. – Он хлестнул лошадь, и, часто оборачиваясь, любопытно ведь, поскакал к берегу. А мы закружились вокруг отряда, удерживая их на расстоянии и отстреливая наиболее ретивых и прытких. Бой закончился, мы подъезжали к каждому из упавших, обыскивали их. Рыцари у шведов гораздо более богатенькие, чем пехотинцы. У монахов практически ничего, кроме вшей, не было. Несколько крестов золотых и серебряных с камнями. Ну и вонючие они! В баню могли бы и почаще ходить! От Святого острова идут на широченных лыжах-снегоступах две фигуры в черном. Это те, которые сигналы подавали. Одного пристрелил сразу, он с палицей был, второму только ухо прострелил. За-

то выяснил, почему они против меня ополчились! ДЕСЯТИ-
НУ ИМ НЕ ЗАПЛАТИЛИ! Вот самки собаки!

– Настоятельно передай, что он мне пять тысяч талеров должен, за порох, что пожег, его друзей убивая. Будет дружить со шведами – повешу. Все понял? Деньги до крещения отдать!

– Не успеем, боярин Леший. Крещение-то вот-вот! – Уже и имя знают!

– Это не мои проблемы, а его. Так ему и передай. Пошел вон!

Татьяне не понравилась процедура после боя, когда я раздевал догола трупы и все сваливал на лошадей. Сказала, что больше в таких мероприятиях участия принимать не будет.

– Таня! Доспехи стоят дорого, все будет вновь использовано против нас.

От Валаама подъехало несколько монахов, уже не агрессивных. Издали кричали, что они с миром, своих забрать. Реквизировал у них пару саней для трофеев. Монахи смотрят настороженно, но подходят только к тем, к кому я решил приблизиться. Вернулся Пройда, помогает собирать трофеи. Монах, представившийся Варлаамом, долбит лед, чтобы спустить трупы под воду. Монахи забирают только своих. Выяснилось, что шведов на Валааме больше нет, весь отряд выскочил, и кнехт Анхель, «брательник», вон валяется. Пройда цепляет за ноги веревкой, притороченной к сед-

лу, и подтаскивает шведов к проруби. Варлаам шепчет молитву, и грешное тело отправляется на корм рыбам. Настоятель, само собой, не появился. Ничё, мы подождем. Чтобы не тратить бензин, загрузили снегоход на сани, накрылись шубами и тронулись в обратный неблизкий путь. Варлаам перекрестил нас на дороге, а потом плюнул, вспомнив, кто есть кто. Лица мы никому не показывали, хотя работать с опущенным забралом шлема было неудобно.

Пройда на деревню вернулся богатым человеком! У него теперь конь и кобылица с привеском. Заслужил! На следующий день приперся к Татьяне шапку ломать, чтобы в первый класс взяла!

Назад добрались к 31-му числу, новые праздники вводить надо постепенно. Поэтому заслал Татьяну в Суоярви за картошкой и пару пару-тройку поросят прикупить. Заодно зеленые, молочные и красные соленые и маринованные помидоры, и свежие черри. В общем, праздник «Победа над шведами» удался на все сто! Все обалдевали, особенно попробовав черри. Свежие помидоры – зимой. А они их в жизни никогда не пробовали! Ни соленые, ни маринованные, ни свежие. Пели песни, под свинину в томатном соусе, закусывали медовуху жареной картошкой с салом. В общем, все канцерогены в кучу собрали и с удовольствием употребили. Разговоров после было много.

А я начал проводить Выборгскую наступательную операцию. Я давно начал ее готовить. Сразу, как вернулся со стро-

ительства из отпуска. Понятно было, что ее просто так не осилить: боеприпасов требуется куча, крупный калибр, который взять негде, в общем – жопа! А если не взять его, то нервов попортят выше крыши! В общем, не зря же я вкладывался в офигенно дорогой снегоход! Вовсе не для того, чтобы перед аборигенами похвастаться! Татьяна напряглась, когда я сразу после Нового года начал дрессировать три десятка мужиков с разных деревень носить оружие XVII века и пользоваться им.

– Ты куда собрался?

– Да, пока новогодние каникулы, надо Выборг взять, а уж потом начать заниматься сталелитейными заводами. Сама видишь, что спокойной жизни никто не обещает.

– Ты охренел? Там же крепость и гарнизон большой.

– Танюша, главное – его на лед залива вытащить, «и делай с ним, что хошь».

– Найтов! Ты – идиот! И так все неплохо получается! Не порти картину.

– Тань, не мешай, не бабское это дело! Обучением займись, как обещала.

– Моя – твоя – предупредил. А там – хоть не рассветай! Учти, Найтов, помрешь по-дурацки, все сверну и отдам на откуп физикам. Мне одной такое дело не провернуть.

– Да я в курсе, и помирать не собираюсь. Проехали, Танюша!

В общем, прицепил я к снегоходу санный прицеп, загру-

зился и поехал в сторону Выборга, за мной тридцать мужичков, упакованных в шведское железо, отправились. Я, понятное дело, чуть быстрее еду. Мое дело занять острова в Выборгском заливе. Там пока никаких дополнительных постов нет. Я подъехал ночью к Цветущему мысу и пару ночей ползал по льду Выборгского залива, готовя подарки для наших дорогих шведских гостей. Мужики приотстали и связывались со мной один раз вечером. Им оставалось два дневных перехода. У меня было все готово. Воды Выборгского залива были скрыты льдом, поэтому «тайнства» я совершить не мог. Фиг с ними, пусть так топнут. 10 января я устроил бесплатный гала-концерт в небе над Выборгом: лазеры высветили огромную фигуру бога-отца над заливом, а три громкоговорителя пели осанны на среднешведском, которые я записал в Питере в костеле недалеко от шведского консульства. Бог-отец был мной анимирован, и в конце проповеди, в которой говорилось о том, что это земля славян, он показал на возникший из лазерных лучей крест животворящий, и приказал всем следовать туда, иначе – покарает! Палец «бога» показывал на голографический крест у камня на входе в залив. «Бараны» по льду потащились прямо на управляемое минное поле, которое я двое суток сооружал, ползая по снегу. А я их не заставлял! Сами пошли! Я их об этом не просил и не настаивал! Когда большая часть гарнизона и местных жителей пела осанну великому Христу, я нажал на кнопку. Запрограммированные взрыватели ОЗМ-72 подбрасыва-

ли мины на высоту два с половиной метра и две с половиной тысячи осколков каждой из них превращали в мясо тела защитников крепости. Они хитростью поставили эту крепость, мы хитростью ее забрали себе. Перед началом массового молебна этот самый «господь бог» приказал передать ключи от Выборга боярину Лешему.

Я появился на следующее утро, подошел к воротам, они были открыты.

– «Прювед», меня зовут Леший. Товарищ господь распорядился передать ключи мне. Я жду!

Слова «Да здравствуют голограммы!» я произнес после того, как ключи мне вручили.

Главный подарок получил при возвращении домой. Ехали уже через Приозерск, не через Олонец. Взятие Выборга было большим успехом, если не сказать более. Татьяна задумчиво смотрела на белую, всю в свежем снеге, дорогу. Неожиданно сказала:

– А ты очень хорошо вписался в то время, характер, наклонности, все как по писаному. Удивительно! Вот только все это надо кому-то передавать, а некому. Ни Полина, ни Сережка такими данными не обладают. В общем, наследник нужен, причем специально подготовленный для этого.

Я попытался схохмить, ведь мы за десять лет так и не решились на сие, а тут супруга открыто заговорила о ребенке. И стало понятно, что она перестала воспринимать тот мир как игру или иллюзию, а решила прочно обосноваться в нем.

Мне было сказано, чтобы я подавал рапорт на увольнение из рядов, хотя у меня с трудом набирались 25 лет, требовалось обновить кое-какие документы. По большому счету она права, потому что оставлять надолго такое беспокойное хозяйство просто опасно. Рапорт мне подписали, с работой я заключил трудовой договор, став «вольным стрелком» – испытателем новой техники. Довольно шумно отметили увольнение в запас, и я уехал в Суоярви. Теперь уже надолго. Казематы и кладовые Выборга открыли совершенно иные возможности для старта. Нужно было поспешать, укреплять и соответствовать. Требовалось создать армию, без нее все это не удержать. И экономику, чтобы содержать эту кучу бездельников. В порту Выборга стояло больше десятка кораблей, которые остались без команд. Нужен был народ, и пришлось ехать в Олонец и Новгород.

Глава 3. «Индустриализация по-корельски», или первые шаги

Олонец тогда Олонцом не назывался, это был Толмачев-наволоок. Командовал там дьяк Степан Елагин. Поселение составляло 150–160 дворов. В том месте, где сейчас стоит собор, стоял небольшой деревянный фортик, с колоколенкой на самом западном мысу. Поехал я не один, а с Порфирием, который уже официально стал управляющим Суоярвского района. Поглазеть на снегоход собралось все население. Новости уже расползлись по городам и весям. Иначе как князем Выборгским никто и не называл. Почести оказывали именно княжеские. Всем было известно, что настоятель Валаама Варсонофий лично привез дань и первым упомянул княжеский титул. Не поленился, подлец, приехать в Выборг, чтобы лично убедиться в том, что хозяин там сменился. Слухи о явлении божьем прокатились по всему Приладожью, поэтому со всех сторон «посольства» следовали одно за другим. А без даров в гости не ходят. Поэтому казна исправно пополнялась, но вербовать на месте наемников занятие глупое и неблагодарное. Наемник должен быть не местным. В Олонце удалось договориться и завербовать первых тридцать дружинников. Вместе с тридцатью ополченцами это уже был «отряд». Оружия в крепости было много, качество впол-

не соответствовало тому времени. Главное, десяток пушкарей набрал. Сам-то я из таких древностей никогда не стрелял, поэтому всех тонкостей этого дела не знал. Командовать дружиной я назначил Ермолая, уже в годах сотника, а к нему «прикрепил» Пройду, кем-то вроде ординарца и на посылах.

Сам же проводил больше времени не в палатах каменных, а на берегу будущей Селезневки, куда согнал народ, чтобы расчистить площадку под строительство плотины через речку и здания ГЭС. Сам город располагался на другой стороне Саймы, там, где и сейчас стоит. Только домов в нем еще совсем немного, но уже есть каменные. В основном шведы укрепляли саму крепость, а порт, склады и мастерские ютились вне стен крепости и чуть ли не постоянно разрушались в многочисленных попытках взять крепость. Городская стена, в отличие от крепостной, была деревянная и проходила по теперешней Батарейной улице от одного берега залива до другого. Равелинов на северном берегу еще не было, их только начинали строить. В городе было тысяч пять жителей, часть из которых погибла на льду от мин и в начавшейся панике. Наплавной мост проходил только до цитадели и северный берег не был связан с городом. Так что место под ГЭС было выбрано не случайно. Кстати, и в наше время «старая» ГЭС стоит именно там.

С «попами» я решил помириться: во-первых, не стоило разрушать иллюзию того, что «гендиректор» назначил ме-

ня «топ-менеджером», во-вторых, в княжестве присутствовало куча разных конфессий, загонять опять всех в речку и, под угрозой меча, перекрещивать всех никакого смысла не было. Плюс, что подвигло горожан Выборга встать под мои знамена: их не грабили! Город не отдавался армии на разграбление! Просто вместо шведских воинов появились мои «абреки». Встали на стенах и молчаливо глядели на город с высоты своего положения. Этот вопрос я урегулировал еще до того, как они в поход пошли. Дескать, все должно быть пристойно и культурно, а кто ослушается, будет иметь дело со мной. Желающих поиметь неприятности не нашлось.

Пришлось собирать в Выборге духовный совет, на котором я высказал совершенно крамольную по тем временам мысль, что мне пофиг, во что верит население, и карать буду именно церковников, если будут натравливать людей друг на друга. Так и сказал, что положу на транспортер пилы и буду пилить на малой подаче. Все всё правильно поняли. Пилы в Пайлаа они уже видели. Страшенная штука! Шестнадцать вертикальных пил превращали бревно в доску с неизбежностью второго пришествия. Когда представили себя в таком положении: ногами вперед, то было заметно, как «попы» содрогнулись.

– Никто не имеет никаких преимуществ перед государством! Акты рождения, смерти и брака регистрируются государством, а не священником. Развод не предусматривается, но официальные вдовцы и вдовы имеют право на заклю-

чение нового брака. Но только при предъявлении свидетельства о смерти супруга. Супруг считается умершим, если он зафиксированно мертв, или в течение трех лет от него не поступало известий или денежных средств. Государство у нас светское со свободой вероисповедания. Хоть бусурманами будьте. Атеисты – освобождены от налогов. Остальные платят налог в казну два процента от доходов на содержание контрольных органов по теологии. Вы ж, господа священники, нуждаетесь в контроле! Кого ущучу за наущением своей епархии набить морду другой – не взыщите! Бить буду больно и мученически. Вы отвечаете за то, чтобы протестанты на православных, бусурман и прочих, с ножами и мечами не кидались. Первыми под разборку и попадете. Дошло?

Попы согласно закивали головами.

– А там, где богоявление случилось, храм поставьте, где каждой епархии будет место. Две тысячи талеров на это княжество выделит, остальное собирайте с верующих.

– Как? Один на всех?

– Именно так, Вы и сами знаете, что бог – един!

– Бог, он, конечно, един, но церкви разные.

– Не церкви, а карманы разные! Вы о собственных карманах беспокойство проявляете! Есть храм в Вифлееме, которым владеют несколько конфессий. Вот его за образец и возьмите. Все епархии платят в казну 13 процентов от доходов. И только попробуйте их скрывать! На дыбу подниму. Понятно?

– А почему чертова дюжина?

– Хочешь двадцать платить? Давай двадцать поставим. Сколько Густаву Адольфу платили? Четвертину? А я назначил вдвое меньше. Пусть осьмуха будет.

– Нет-нет-нет. Осьмуха, значит, осьмуха. Все понятно, княже. Но как же быть с общим храмом, как доходы делить?

– Не договоритесь – все запрещаю. Мне, в принципе, вы не нужны, сами понимаете. У меня всё, все свободны.

Они договорились между собой, и Богоявленский собор на входе в Выборгский залив был поставлен. Несколько позднее меня и Таню с сыном пригласили на его освящение. Поприсутствовали.

Положение несколько осложнялось тем обстоятельством, что золото и серебро я мог использовать только здесь. В России это – не товар, так, баловство с возможностью быстрой усадки. Основные доходы в этом году принесли мед, клюква, черника, брусника и грибы. Ну, и немного заработали на продаже старинного оружия и монет. Татьяна просертифицировала всю продукцию, нашла каналы сбыта в Москве и Питере, заказала красивую и оригинальную упаковку, и крупные магазины заинтересовались продукцией. Так что кое-какие деньги для приобретения нужных станков появились. А вот с золотом что делать – ума не приложу. Во-первых, оно здорово отличается по пробе от дешевого 585-й пробы, во-вторых, нет никого в этой отрасли, а «бо-

гатенькие буратины» по полям сражений не бегают. Благо что был один фондик, с руководством которого у меня были отношения из-за Донбасса, а золото на войне самая подходящая валюта. Немного смог продать туда, заодно оттуда привезли много электрооборудования, снятого с разбитых снарядами шахт, электроподстанций и прочего металлолома. И патронов подбросили, кое-что из артиллерии, в частности, минометов несколько, СПГ-9 и кое-какой боезапас к ним. На первое время хватит, а там что-нибудь опять придумаем, или найдем канал, как реализовать талеры. Денег требовалось море! Ближе к весне понадобилось закупать поросят, картошку «Удача», пшеницу «Безостую-1», рожь «Вятка-2», кукурузу сорта «Хани Бентам», скороспелую, и семена всяких-разных овощей: кабачков, баклажанов, моркови, капусты, тыквы, брюквы, помидоров, люцерны, рапса. Из Синявино доставил цыплят трех пород и оплодотворенных яиц, которые сразу положили под куриц. И все требовалось в товарных количествах! Выручало то обстоятельство, что население было смешанным: часть слегка причесанных шведами водей уже знакомы с пшеницей, а за время с Нового года сумел познакомить и горожан с картошкой и свининой. Сразу закладывали свинофермы, которые числились князевыми, туда наняли людей, чтобы за животными ухаживали. Свиней пока на руки не отдаю, только у себя держу. А вот двух взрослых и 10 телок голландской черно-белой, купленных в Янино, раздал в аренду в хорошие руки. Увидев, сколько молока

дает одна корова, к молоденькому бычку выстроилась очередь. Ох, придется ему попотеть, получая удовольствие. Ну и самым удачным приобретением было два небольших стада казахского архаромериноса и киргизской тонкорунной овцы. Обладают выносливостью и большим размером, отличной длинной и мягкой шерстью, особенно в нашем климате. Основное отличие от обычного, в ХХI веке, мериноса, именно выносливость и высокая продуктивность. Так сказать, вершина советского овцеводства, как и советский меринос. 7–10 кило шерсти и почти 100 килограммов живого веса у барана, 55–65 у овцы. При этом не требует стойлового содержания. Учитывая то обстоятельство, что с мужичками у меня легкий напруг, основное население женское, то требовалось занять их работой. Мериносов завезу летом, их надо держать отдельно.

Вложились по-крупному, но в ту отрасль, которая уже осенью принесет отдачу. Как только потеплело, загнал людей на строительство дота и полностью его сделал. «Свою» землю, доставшуюся в наследство от бывшего губернатора Выборга, и землю под Пайлаа обрабатывали минитрактором и культиватором, а вот всех остальных освободить от рабочего труда по вспашке земли пока нет возможности. Не возить же сюда бензин и соляр тоннами. Нефти в этой части земли просто нет. Поэтому я нашел чертежи и сделал шестицилиндровую паровую «звезду» с перегретым паром. Двигатель работал на любом топливе, в том числе на растительном

масле, для чего я и привез в этот мир рапс. Конечно, это была не родная машина: восемь шарикоподшипников SKF пока возможности сделать не было, да и цилиндры пришлось делать из готового алюминия, а уплотнители из кольца углепластика. Цельнотянутую стальную трубу для парогенератора и горелку с насосом высокого давления взял из XXI века, как и саму идею. Но это минимальные вложения при максимальной отдаче. Главное в этом вопросе: начать! Потом прогресс будет не остановить. Мы так радовались, когда поехал наш переделанный мини-трактор! В общем, зима и весна прошли в сплошной пахоте и мотаниях туда-сюда.

Ну, а вообще, не ожидал я такого! Когда все начиналось, все это по-другому выглядело. Либо они меня, либо я их. Привычная обстановка. А тут!.. Когда на площади собралось сорок-пятьдесят тысяч человек, бухнулись на колени и:

– Веди нас, княже!

Вот тут-то я и почувствовал, что любая моя ошибка будет очень, очень-очень, дорого стоить. И право на ошибку у меня отняли.

Мастерская в Пайлаа уже действовала и было сделано шесть двигателей. Два установлено на тракторы, два на винтовые ладьи, один на мой джип и еще один на машину Татьяны. Требовалось быть очень мобильными. Порфирий наладил торговлю с Новгородом, но ему очень мешает крепость-монастырь на острове Медведка. Это в самом устье Волхова. По договору 1617 года, Столбовскому миру, эта

земля — моя, принадлежит Выборгу. И мы на 12 ладьях идем туда. Среди моего войска 60 «гвардейцев», упакованных в бронежилеты, кевларовые каски, с настоящим хорошим оружием. Есть даже «Шмели-М». Настроение у всех боевое. Остальные вооружены шведским оружием из крепости. Народ служивый в город идет потихоньку, слухами земля полнится. Гвардейцы — это уже регулярные войска, они живут непосредственно в крепости, в казарме, в город выходят с обычным оружием и в обычном снаряжении. Ну, а в поход, естественно, выступают в полном боевом. Пока меньше роты, но кои наши годы. Монастырь и крепость маленькие, их 56 лет назад немцы сильно пожгли, так еще и не восстановились полностью. Высадились ночью. Ни Староладожского, ни Новоладожского каналов еще нет, так что разведка прошла к самому рву крепости. В новом времени здесь территория судоремонтного завода.

Теперь немного истории: Густав II Адольф, который склонил Михаила Первого к миру, в 1632 году погиб во время кавалерийской атаки в битве под Лютценом. Наследников мужского пола у него не было, только две дочери родила ему Мария Элеонора Бранденбургская. Одна из них умерла во младенчестве, вторая, 1626 года рождения, шестилетней девочкой была посажена на трон. Сейчас ей тринадцать. Правит Швецией риксканцлер Аксель Оксеншерна. Ему сейчас 56 лет. Это он старательно превращал Балтику в Шведское озеро. Отличался умом и сообразительностью. Блестящий

переговорщик, он старательно избегал войны на два фронта и сосредотачивался всегда на главном противнике, что блестяще ему удавалось в войне против германских католиков. Три года назад он окончательно покинул шведскую армию и стал опекуном Кристины. После гибели на льду Выборга Юхана Шютте Аксель Оксеншерн попытался пристроить своего сына на его место. Он его куда только ни пихал! В том числе и в Nya Sverigekompaniet (в компанию Новой Швеции). Отличительной особенностью Акселя Оксеншерна была потрясающая скупость. Но к тому времени он уже вписался капиталами в освоение Америки, а датчане Крузиус и Брюгеман смогли заключить пока не реализованный договор с Москвией на торговлю с Персией через Россию. Швеция, которая не слишком дружила с Данией, этому всячески противилась, так как сама мечтала сидеть на этом месте. Но датчане побольше наобещали: не менее чем 600 тысяч ефимков в год. Активный грабеж Америки и Европы принес огромное количество золота в Европу. В общем, мой приход в Выборг прикрыл эту лавочку для риксканцлера, но он еще не успокоился. Конкурент у меня есть, зовут его Габриель Густавсон Оксеншерн. Где он – я пока не знаю, но скоро будет. Поэтому поспешаем не спеша.

На стенах шесть часовых. Наш подход они не заметили, мы высадились у Птиного острова. Аккуратно всаживаю болт с зарубками и карабином в стену, проводником протаскиваем нейлоновую страховку и перебрасываем туда развед-

группу в шесть человек. Я с «Валом» контролирую стену. Группа поднялась по стене и доложила, что часовые сняты. Перезакрепив страховку, обеспечили перемещение еще 20 человек, которые опустили мост и открыли ворота. Начались переговоры с заблокированным в казарме гарнизоном. Он наполовину шведский, наполовину состоял из монахов. Шведы понимали, что их не поджигают только из миролюбия. Я, правда, участия в переговорах не принимал и в крепость не входил. Разговаривал с ними член совета Выборга Олафсон, который в январе принес ключи и первым присягнул мне. Затем Пройда вышел на связь и доложил, что гарнизон сдался. У причала стоял шведский двухмачтовый корабль «Фогель Гриб». Его тоже захватили без боя: солдаты одеты в шведскую форму и броню. Привез порох из Орешка. Капитану приказал выгружаться, затем вручил ему письмо на шведском и русском с предложением коменданту Нотебурга перейти под мое командование. К сожалению, крепость и уезд носили звание графства, и комендант владел им.

Крепость – каменная, и находится на острове, поэтому у него был шанс сидеть там долго и муторно, как это не раз уже бывало. А нам надо действовать быстро, поэтому, получив отказ графа, высаживаемся напротив острова Орешек в том месте, где сейчас находится город Шлиссельбург, а тогда находилась деревушка Ноте. Население в основном русское. Так что никаких особых проблем нет. Обычные крепостные крестьяне.

– Маловато вас, княже! Ничего не получится, а нас пороть потом будут. Уходили бы вы. – сказал староста.

Ночи уже короткие и светлые, замеряю точную дистанцию: от мыса до башни 413 метров. Делаем пересчет и отправляем туда навесом двадцать ГВО-40б из подствольников. А противогазов в XVII веке еще не изобрели. Майское утро. Ветра нет, так что все условия. Товарищи шведы лезут на стены от такого подарка, а тут и я со своей СВД, ждем-с! Командиры этих армий имеют совершенно неправильную привычку выделяться среди подчиненных. Выстрел! Владелец шикарного шлема с пером получил небольшую пробоину в черепе. Еще один бежит буквально к тому месту, где лежит первый. Еще один выстрел. Ребята немного добавили газку! На причале появился мужик в броне и с белым флагом. Чихает, кашляет, машет флагом, предлагает переговоры. Зовем его к себе. Он – в лодку и к нам. Залит слезами и слюнями, я ему кричал, чтобы водой не промывал. Обрабатываем его слабым раствором уксуса. Очухался.

– Кто из вас князь Выборгский?

– Я.

– Херре Олафсон, вы можете подтвердить, что этот человек и есть «богоявленный»?

– Да, херре Кнудсен. Это наш князь.

– Граф Дарт де Ангуссон убит. Он приказал не подчиняться вам. Мои кнехты имеют иное мнение. Мы – ваши вассалы, херре Леший, – сказал он, припав на одно колено. В об-

щем, местные шведы уже поняли, что власть переменялась. Гарнизон сменили, оставив минимум «местных». Ниеншанц и городок Ниен прислали делегации после этого и сами сдались. Часть городка пришлось расселить: самогон варили. А у меня с этим делом круто! Спирт изготавливался, но только древесный, чуть ли не 50 на 50 метиловый. Чтоб с ног валил насмерть. Это – топливо для паровых двигателей и яд. Пиво – хрен с ним, пусть варят и пьют, а здесь требуется быть жестким. Княжеский указ о пьянстве и пьяных выходах уже действовал, вне зависимости от сословий. Нарушителей ждал кнут и добыча болотной руды. Озерная просто добывается, а на болоте там все сложно. Утопнуть – дважды два.

Открыв себе торговые пути, возвращаемся в Выборг уже через Неву и по морю. Еще одно «приобретение»: 12 капитанов морских парусных судов и сами парусники. Они, правда, совсем небольшие, где-то 100 тонн, чуть побольше парусных ладожских ладей, но двухмачтовые со смешанным вооружением. А в Паймаа уже работает лесопилка, и паровая сушилка. Лес здесь красный, но нужны медь и сталь. И остро встал вопрос с мелом. Со «взятием» Орешка в мои руки попали Путиловские карьеры, и каолин был в Никольском, так что проблема с производством цемента и кирпича была решена. В Выборге было много людей, знакомых с кирпичным производством, а производству цемента требовалось обучить всех самому. Пришлось согнать крестьян и прокопать канал,

расширив реку Святка и соединив ее с Тосно, через шлюз. Ивановские пороги для парусных и гребных судов довольно серьезное препятствие. Заодно эхолотом промерил пороги и получил их точную карту. У устья Святки и Тосно приказал бить причалы. В общем, «здесь будет город заложен, назло надменному соседу!» Место очень удобное: река имеет большую скорость течения, это – возможность получать большое количество энергии. Рядом большие залежи торфа, а отопление – наше все, в нашем климате, и этот же торф используется для производства цемента и кирпича. Есть возможность вывозить кирпич как вверх, так и вниз по реке. Ну, а количество пароходиков придется увеличивать! А это потащит за собой всю экономическую цепочку. Главное – я эти карьеры хорошо знаю и знаю места, где лежит глина, из которой можно получать основной и кислый жаропрочный кирпич. А это то, что мне нужно для запуска сталелитейного производства.

Чтобы быстрее закончить работы, была изготовлена землечерпалка и грунтоотвозные шаланды. Шаланды делались из дерева, и особого изумления не вызвали, а вот на стальную черпалку специально приезжали посмотреть. Но, видя, как она легко вгрызается во влажную землю, все понимали, без нее выполнить такую работу за одно лето бы не удалось. Все-таки предстояло переместить 60 000 кубов грунта. А это – 7 512 000 лопат, причем полных, а так как местами общая глубина канала до 5 метров, то количество «лопат»

круто увеличивается, так как один и тот же кусок грунта пришлось бы кидать много раз. Понижающий редуктор был изготовлен, конечно, не у нас, а в XX веке, и просто валялся на карьере. Цепь и ковши производства Шлиссельбургского завода на Озерной улице. Они давно такие маленькие машины делают. Еще и землесос предложили у них купить. Пока обойдемся! На Леймановском острове, ниже Ореховки, поставили водяную турбину, большую лесопилку и мельницу. Тому самому старосте, который уговаривал нас оставить в покое Орешек, было сказано, что она должна работать постоянно. И его проблемы, где он лес возьмет. Но для села это манна небесная, поэтому в обиде он не был. Он же не знает пока, что это будущий судостроительный завод. Пусть пока лес пилит и муку мелет всей округе. Барин велел!

Людей в Ленинградской области оказалось довольно много! И все крепостные. Дело было в Столбовском договоре! По нему бояре и помещики России должны были в течение двух недель покинуть территорию края со своим имуществом, а крепостным и свободным крестьянам переезд запрещался. Они попадали все в крепь. Перед подписанием договора стапятидесятитысячный Новгород был практически обезлюжен, шведы переселили всех из него на эти земли и взяли в крепь. А Новгород, без людей, вернули Михаилу. Да еще и под беспошлинную торговлю. И это в условиях, когда на Руси никакого производства не существовало, кроме кустарного. Производились только продукты питания и ору-

дия труда для него. Все остальное ввозилось из Швеции, Дании, Англии и тому подобных. Читаешь летописи и диву даешься! «Продано 320 возов мяса и 600 возов рыбы за 368 рублей 20 копеек. Привезли назад 120 мушкетов».

Я собирал людей на площадях и показывал, как сделать домницу, применив «китайский способ» догнать и перегнать Америку. Установил неплохую цену на крицу: сырое железо со шлаками. Главное – везите! Сдавайте ее князю, а я разберусь, что делать. И задымили домницы по всей округе! Те, кто посмекалистей, ставили домницы у воды и поддув устраивали от водяных колес. Нет речки? Гоняли по кругу лошадей, раздувая мехи, а кто и баб на это дело подряжал. Я же собрал группу мужиков и показывал им руды. Первый медеплавильный завод поставили недалеко от будущего Всеволожска. Есть там такое село, Медный Завод называется. Небольшое, но богатое месторождение давало медь два века!

Сварное железо отвозили в Выборг, где уже была механическая кузня, еще до меня. Как только получили кислый и основной кирпич, был заложен первый конвертер и начали укладывать бетон в фундамент небольшого мартена. Черкасовку перегородили плотиной и на месте будущего Выборгского судостроительного начали возводить сталелитейный завод. Еще я озаботился мелочью, расплачиваться с многочисленными поставщиками приходилось за мелкие партии. Серебра не напасешься! Поболтал с нужными людьми на Ленэмальер и Монетном дворе и получил от них отличные че-

каны. Гурт защищался сложным текстовым узором, так что подделать ее было бы очень сложно на имеющемся оборудовании в любой стране того мира. Опушка – четкая, выпуклая. На аверс я посадил Выборгский замок, вокруг надпись Водьская пятина. Номинал был от осьмушки копейки до полтинника. Первая пробная партия была изготовлена в Санкт-Петербурге из стали с гальванопокрытием желтого цвета и имела штамп завода, остальные имели штамп Выборгского монетного двора, который я расположил в цитадели крепости. «Задружившись» с художниками и руководством, получил от них чеканы и на остальные номиналы до 100 талеров. Талером назывались только золотые и серебряные монеты. Рубль был «табу» для монетчиков, у них могли быть неприятности, поэтому от названия рубль пришлось отказаться. Хотя я себе не отказал в удовольствии и наделал у них небольшую партию 10-рублевых биметаллических монет по образцу и подобию десятиков 1991 года, только вместо Кремля там красовался замок Выборга.

Но, если на «моих» землях было все нормально то не все так гладко было в остальных частях планеты. Мое самоуправство не понравилось премьер-министру Швеции товарищу Акселю Оксеншерне, и от Нарвы подошли два 12-пушечных кораблика уже в начале июня. У острова Вихревого к ним подошел наш патрульный паровой пограничный катер и показал понятный всем морякам знак «лима», состоящий из двух желтых и двух черных квадратов: Требую оста-

новиться! Ниже был вывешен знак «кило», показывающий намерение установить связь. Шведы не отреагировали, так как ладья шла под парусом и довольно медленно, она шла против ветра. Ребята подумали, что им неслыханно повезло, и начали ворочать влево, пытаясь развернуться бортом. На мачту у них взлетел брейд-вымпел, означающий атаку, начали подниматься порты пушек. Наши пограничники срубили кливер, на мачту взлетел бело-голубой «Икс-рей», приказывающий «Выполнить мои требования», и канониры заняли место возле сдвоенного «корда», сдернув с него чехол. Катер быстро сманеврировал и удержал дистанцию, заодно показав противника второй пулеметной установке.

– Тысяча чертей! – прокричал адмирал Парсонен, когда понял, что катер не дает ему возможности сблизиться на дистанцию выстрела. Дал команду прибавить парусов, чтобы все-таки догнать «выборгских». То есть не подчинился. Носовой пулемет дал два предупредительных и поднял сигнал «Веди» или «браво», что означает: «ваш курс ведет к опасности». Но шведских кораблей было два, а тут – маленький одномачтовый коч. Шведы не отреагировали и продолжили погоню. Катер быстро развернулся и описал циркуляцию вокруг неповоротливых чудаков. Вышел в корму, и обе установки заговорили по мостику и каюте капитана короткими очередями. Шедший последним корабль завалился под ветер и вышел из строя без управления. Кто-то на нем отдал команду спустить брейд-вымпел, паруса и флаг. Сдались. По-

граничник продолжил погоню за вторым нарушителем, тот был вынужден остановиться, видя, что его быстро догоняют с кормы. А места для маневра здесь маловато. Да и не знали шведы, что в Высоцком проливе с обеих сторон уже стоят пушки. Старенькие, шведские, но есть! На груди убитого адмирала обнаружено письмо, кстати, написанное на славянском, полное угроз и обещания расправиться с самозванцем, от самого Аксея Оксеншерне.

Второму капитану повезло, его отправили обратно с письмом, где я предупредил Кристину и Аксея, что в связи с непрекращающимися провокациями со стороны властей Стокгольма, фашиствующей хунты, незаконно сидящей на троне Великой Швеции (официально это так, Кристина не являлась наследницей престола), и неразумных действий бывшего губернатора Юхана Шютте, начавшего против меня боевые действия без объявления мне войны, святое явление освободило для меня трон княжества Водьского, и я законно занял место, указанное мне Господом. Жители Пятины присягнули на верность мне, кровь в моих владениях не льется, свобода вероисповедания поддерживается. Притязания так называемого королевства Шведского мной отменяются, так как нет переговоров и нет законного представителя короля Швеции. Территория Пятины захвачена Швецией обманным путем и всегда являлась предметом спора между Новгородским, Московским и Шведским государствами. Господь долго думал и решил этот вопрос в мою пользу. Я не

являюсь подданным ни московского царя, ни шведской короны. Водьская пятина была, есть и будет свободным государством, в котором порядок обеспечивается князем и его войском. Такова воля Господа и населения Водьской пятины.

Немного витиевато, но вполне в духе того времени. Пусть пережёвывают, а я к тому времени успею накатать брони для еще одного корабля. «А там – посмотрим, кто кого». Взять Выборг – задача архисложнейшая, как говаривал товарищ Ленин. Очень удобное место для обороны. Лишь бы мои «подданные» не подвели, а активно делали крицу. Флюс я уже приволок, горизонтальные автоматы – тоже. А мелочевку и вручную сварим. Это не «броненосец “Князь Потемкин-Таврический”», но пароходик совсем неплохой. Первый морской бой решился в нашу пользу, это, конечно, не Гангутское сражение, и не Ютландский бой. Но зубы мы показали.

Татьяна летом сумела попасть в Новгород, он, правда, еще не восстановился после Столбовского договора, и народу там мало, но есть люди, связанные с Псковом, поэтому удалось сбыть большую часть вышивки и украшений, часть из которых ушла в Москву, а часть поехала в Европу, пока в качестве образцов, для затравки. Женский «десант» вербанул в Новгороде мастериц и купцов, которым стало интересней ходить к нам, чем в Стокгольм. Но именно Шве-

ция была главным торговым партнером Москвы, мы пока маловато производили интересующей ее утвари. Пошли иглы, нитки, зеркала и пуговицы. Можно было и больше товара дать, но не заинтересованы мы в местных деньгах, а время сбора нашей продукции начнется через полмесяца-месяц. Об этих поставках Татьяна договорилась и будет принимать грибы-ягоды. Они ей в нашем веке стали нужны в еще большем объеме, так как нашла она место, куда можно засовывать это, уже просто в промышленном масштабе. Отдала продукцию на экспертизу в немецкое «общество любителей пива» от партии зеленых, там, в Германии, все просто помешаны на экологии, и готовы платить за это. В общем, Таня теперь у нас предприниматель из Лихтенштейна, где она открыла свой филиал, набрала небольшую команду, арендовала склад и заключила контракты на поставки в Германию и ЕС, Лихтенштейн и Швейцарию. В санкционных списках она не числилась, товар под санкции не попадал. В Пайлаа полным ходом идет строительство большого морозильника. Там его уже можно подключать к питанию, я еще и мощность станции втрое увеличил и два трансформатора воткнул. Провод и кабель пока из Питера таскаем. Скупив у разорившихся предпринимателей несколько рефконтейнеров и воспользовавшись их морским прошлым, перебросили морозильники сначала к доту, а оттуда вплавь на причал в Пайлаа. В нашем мире я воспользовался экономической ситуацией в Суоярви, арендовал у зенитчиков

бывшие их склады и небольшой причальчик с плашкоутами. Тяжелые грузы отправляли-получали как по железной дороге, так и автомашинами. Интенсивность невысокая, грузопотока нет, поэтому, кто в этом мире обратит внимание на какую-то фирмочку, занимающуюся грибочками в бывшей погранзоне? На словах все, что вплавь – уходило по рекам и каналам поставщикам. Зимой только автомобилем. Ближе к ноябрьским, используя послабления для жителей приграничной полосы с Финляндией и постоянную визу туда, плюс хорошо знакомый погранцам на обеих сторонах границы довольно большой автобус с эмблемами экологической фирмы, Татьяна перебросила туда почти полторы тонны талеров (по весу) из казны Выборга. Далее мы взяли на подмену такой же мерседесовский автобус, а этот поставили на ремонт, и через Котку и Германию, маскируясь под любителей покататься на горных лыжах в Альпах, доставили их в Лихтенштейн. Разложили по разным ячейкам банка, и вышли на Сотбис, организовав работу с ним через нашего адвоката в Шоне. На все ушло всего восемь дней, так что, забрав починенную машину в Лаппеенранте, мы вернулись. Самой разорительной частью операции был ремонт и переоборудование автобуса. Зато теперь на нем можно возить замороженные грузы.

Глава 4. Вторая водьско-шведская война

Очень радовало то обстоятельство, что в XXVII веке все делается неспешно, к такому ритму, как у нас в XXI, просто не привыкли. Поэтому времени на все хватает! 21 сентября большая часть народа прощалась с летом на веселом празднике Нового года. Здесь его дважды встречают, как и у нас, только с разницей почти в три с половиной месяца. В ночь на 22 сентября наступил Новый 7148 год от сотворения мира, или 1640-й, как это принято у нас. Татьяне в подарок жители преподнесли корону, причем явно сделанную на востоке, скорее всего, в Персии. Она была в центре внимания, в том числе и из-за того, что стало немного заметно, что княгиня «тяжела». Здесь к этому относятся очень серьезно. Урожай выдался очень хороший, особенно на землях, где высевали новые сорта. Очень большую часть этого урожая сразу раскупили на семена. Народ здесь сметливый и понимает сразу, что хорошо, а что плохо, но вначале он должен увидеть результат. Любоваться полями приезжали отовсюду. Все поняли, что новые сорта более продуктивны. Денег в этом году было гораздо больше, поэтому в Пайлаа и Лоймаа организовали две МТС и курсы для водителей-механиков тракторов, которых стало уже 12, и я заказал рамы, подвеску и мульти-

пликаторы для них еще. Будет поставлено более ста штук, и для них полным ходом изготавливаются паровые двигатели. Если затеянная операция по реализации золотых королевских талеров пройдет успешно, а предпосылки к этому уже тогда были – большая часть намеченного к продаже груза уже находилась в Финляндии, то проблем с поставками всего и вся больше возникнуть не должно. Поэтому на уборке вовсю использовались навесные косилки, копалки, скирдователи и прочие приспособления и устройства, чтобы наглядно продемонстрировать, насколько они могут облегчить жизнь и труд. Порфирий и старосты близлежащих сел скрупулезно подсчитывали количество всего и вся, переводя все это в незнакомые мне меры веса, площади, объема и длины. Ну, и главной изюминкой праздника была демонстрация лимонадов и морсов со льдом. Я раскрыл секрет того, что находится за стеной рефрижераторного склада. Оттуда вынесли лед и охлажденные напитки. Старейшины сёл заглянули в камеры. Со словом «ледник» они знакомы, естественно, но летом самой большой проблемой была откачка воды, крови и всего прочего из помещения ледника, которое находилось ниже уровня земли. Работа грязная и неприятная. Поэтому к середине лета ледники пустели и открывались на просушку и вентиляцию. Иначе в следующем году его понадобится снова сооружать всем селом или всей семьей. Здесь же в довольно жаркий сентябрьский день стоял сухой мороз.

– Это помещение для рыбы, это для мяса, соседнее для

птицы, и крайнее для грибов, ягод и некоторых овощей. Пятое отделение – общественное. Там надо наделать камеры для членов общины. Ключника, грузчиков и сторожей оплачивать будет община. А все сторонние должны будут платить ренту.

Используя естественное устройство общества деревни, Татьяне удалось пробить недоверие крестьян и показать на примере наших угодий преимущество крупных полей и совместного ведения хозяйства. В городе, имеется в виду Выборг, она появлялась редко: требовалось находиться и в Питере, и в Москве, и в Лаппеенранте. Но довольно много времени она уделяла и ведению хозяйства здесь, и натаскиванию своих девушек-отличниц. Они выполняли работу учетчиц, а я или Татьяна переносили это на компьютер. В результате так получилось, что больше всех в селе заработали в этом году те люди, которые работали у нас. При этом прибыль они дали очень солидную. Хозяйство бурно развивалось. Так как и остальные крестьяне «принадлежали» нам, то к началу сезона у учетчиц не было отбоя от желающих получить наряд на работу. Часть заработанного выплачивалось сразу, за сданную продукцию, например, молоко, сыры, масло, рыбу, грибы-ягоды, но основная часть заработка была оглашена сегодня. Установленная Татьяной система премирования тоже давала свои результаты. Так победителям «соцсоревнования» по сбору грибов в малолетнем возрасте тут же на празднике были вручены конфеты и шоколадки,

средний возраст получил новые наряды, а старший – денежные премии. Все были просто в восторге и радовались, как дети. Кроме того, было объявлено, что основная часть заработка впереди, потому что после уборки зерновых последует уборка основного продукта – картофеля. И пробная уборка ранних сортов показала очень высокие результаты. Виды на урожай отличные.

– Барыня, светлейшая княгиня! Дозволь преподнести тебе подарок. Анка и Юлька уже разболтали про наши доходы, еще вчер. Да и сами мы видели, что денно и ночью печешься ты о нас и наших прибытках. Строга ты, барыня, но справедлива, за что и челом бьем. Прими от всего сердца. Всей общиной сбросились, да армяшки малость помогли. Вон их человек стоит. Челом бьет, просит его принять и не дать помереть от отказа. Прими корону византийскую.

Вот откуда взяточничество на Руси повелось! Корона как корона, больше похожа на персидскую, но может быть, и из Византии. Ранняя Византия много из Персии подхватила. Армянина пришлось принять. Ему требовались зеркала, одно из которых он уже купил в Москве. Зеркала у нас были на складе. Еще он хотел купить трактор и давал за него золотом по весу.

– Самим нужны.

Обошелся часами с гирькой и кукушкой. Пятнадцать штук купил, все, что были на складе. Обещал на следующий год еще прийти и других за собой привести. Свои товары он

распродал народу, нас они мало интересовали.

Тут из достоверных источников стало известно, что армия Швеции перебрасывается в Стокгольм и будет организована новая карательная экспедиция во взбунтовавшуюся провинцию. Денег королевский совет второй год с Выборга не получает, торговать со шведами я запретил, да еще и торговлю с русскими прикрыл плотно. Весь товарооборот у них идет только через Псков и Нарву. А шведские негоцианты рвутся в Персию. Там китайский чай, шелка и ткани. Новые сорта зерновых никому налево пока не продаем, у самих дефицит этих семян наблюдается. Как бы еще и закупать не пришлось. С появлением достаточных средств на той стороне решился вопрос о закупке владимирских тяжеловозов хороших кровей из нескольких непересекающихся линий. Завод по их воспроизводству разместили в Лоймаа. Дополнительно закупили семена овса высокоурожайного сорта. Люцерна, кукуруза и часть рапса заложены в силосные ямы, кормов с избытком. Осенью закупили дополнительно «голландок», поросят, часть из которых уже пошла по рукам на откорм. Железа произвели 400 тонн, с той стороны доставили обмотки для генераторов Выборгской ГЭС, плотина которой закончена, и установлен ротор турбины. В собранном виде генератор такой мощности мне не привезти, так что, кроме вала, все приходится собирать на месте. В ноябре отлили статор и попытались выковать вал ротора. Больше полутора

месяцев ушло на поковку. Получилось не сильно качественно, когда стали «обдирать», вылезли непрокованные места. Пришлось отложить в сторону и все-таки везти из ХХІ века. Забабахались его тащить на специально сооруженных санях! Но уже по снегу, так что дотащили. Весной будем с электричеством в крепости и на заводе. А пока, я и мой «Малюта Скуратов», гвардии сержант Усселинкс, у которого талант разведчика-агентурщика и знание пяти языков, расставляем наблюдательные посты: требовалось быстро сообщить о начале операции шведов. Помимо ребят Томаса, я подготовил и две своих группы, снабдив их радиоаппаратурой и перебросив на Аланды. Но двух групп маловато, могут и пропустить что-то важное, так что сеть делаем более разветвленную. Жаль, что в самом Стокгольме явки ненадежные и аппаратуру туда не сунуть. Готовить людей надо, а где время взять для этого? Перед самым ледоставом из Стокгольма доставили письмо, риксрод единодушно проголосовал за войну, без ее объявления. Назвали это Пайлааским бунтом, меня объявили бунтовщиком. Так, чтобы не признавать, что провинция потеряна, и я нахожусь у власти. Командующим армией назначили старого генерала Бенгтссона, героя последней войны с Германией. Там он основательно потрепал богемцев и сорвал неплохой куш за подписание с ним мира. Армию собрали «большую»: аж целых 10 тысяч штыков! Хоть здесь уважили! Понимают, что малыми отрядами они ничего не добьются. Сразу после Рождества я принял радио-

сигнал от своей группы, что началось, и поднял гвардейскую роту. Армии сюда шлепать почти месяц, если не больше. Будем бить на марше. Цепляем к тракторам санки, и вперед. Запасы топлива по дороге уже сделаны, мы же знали, что гости будут! Места базирования подготовлены, Бенгтссону предстоит познакомиться с новым способом ведения войны: с помощью войск специального назначения.

Длиннейшую колонну мы обнаружили на льду Ботники. Она шла к шведскому городу Турку. Впереди довольно большой отряд кавалерии и несколько разъездов составляют боевой разведдозор. Грамотно наступает генерал, уже ученый. А это – его карета, поставленная на лыжи! Комфорт любят все генералы. Прикапываем противотанковую ТМ-62. Как только карета поравнялась с миной, Пройда нажал на кнопку, и карета развалилась на части. До места сражения товарищ генерал не доехал. Отсюда до границы с Пятиной добрых 250 километров. До Турку они добрались через два дня, неделю торжественно отпевали командующего, точнее, то, что от него осталось. Из Стокгольма прискакал новый генерал и, вместо того чтобы повернуть обратно, двинулся дальше. Дальше местность лесистая, снега выпало уже много, дорогу, естественно, никто не чистит. Скорость движения около двух-трех километров в час. Я же заранее подготовил хорошие туристические лыжи с пластиковой скользячкой и долго готовил людей к Первому Всескандинавскому чемпионату по биатлону с боевой стрельбой. Вооружены ре-

бятя были старенькими СКС с прицелами ПУ-М. И закружился отряд вокруг колонны противника. Сзади их поддерживали трактора на широкой пневматике, ну и я носился туда-сюда на снегоходе, оказывая и моральную, и огневую поддержку отряду. И мины, мы ставили их часто, в основном использовали старые добрые ОЗМ-72. Их можно ставить чуть в стороне, и взрывать, когда требуется. Через две недели нервы у шведов не выдержали. Противник везде и нигде! Кавалерия была самой важной и первой целью, за первые четыре дня мы ее выбили полностью и увели выживших коней. Генерал Флемминг выбросил белый флаг и остановил движение. Почти сразу из ближайших кустов появился наш наблюдатель из отряда Томаса Усселинка и вступил в переговоры. Генерал потребовал прекратить гуэрриллу и принять генеральное сражение, как подобает рыцарю и князю. Или пропустить его обратно с боевыми знаменами, обозом и деньгами.

Со мной переговоры от его имени вел молоденький прыщеватый офицерик, с очень выступающей нижней губой, сильно напоминал испанского короля. Так и оказалось, что испанские королевские крови у него были.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.